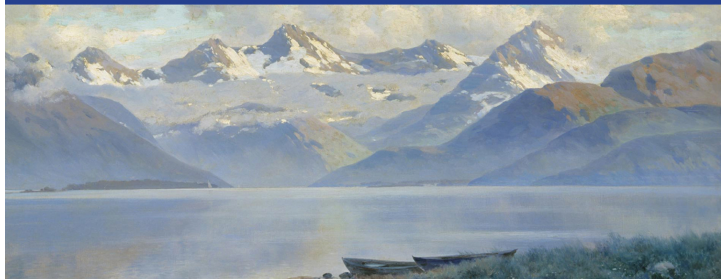

Владимир Обручев

Земля Санникова. Плутония
(сборник)

ФТМ

Владимир Афанасьевич Обручев

Земля Санникова.

Плутония (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6054104
Земля Санникова. Плутония: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72776-6

Аннотация

«Земля Санникова» – научно-фантастический роман, написанный русским геологом, палеонтологом, географом и писателем В. А. Обручевым. В основу книги положена легенда северных народов о существовании таинственной тёплой земли в Северном Ледовитом океане. Благодатный остров – оазис среди льдов – покрыт лесами и лугами в кольце огромных гор, здесь живут ископаемые существа: мамонты, саблезубые тигры, пещерные медведи и шерстистые носороги, обитают первобытные племена. В романе «Плутония» отважные исследователи проникают в подземный мир, где встречают первобытных людей, а также ископаемую флору и фауну, давно исчезнувшие с поверхности земли.

Содержание

Земля Санникова	5
«А все-таки она существует!»	5
Исчезнувший народ	14
Дело налаживается	17
В путь-дорогу	26
Кладбище мамонтов	34
Между островами Новой Сибири	45
Вдоль острова Котельный	55
Через Ледовитое море	61
На пороге обетованной земли	76
Первый день на Земле Санникова	86
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Владимир Обручев

Земля Санникова.

Плутония (сборник)

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Земля Санникова

«А все-таки она существует!»

Первая половина торжественного заседания ученого общества, посвященного сообщением членов экспедиции, снаряженной для поисков пропавшего без вести барона Толля и его спутников, подходила к концу. На кафедре, у стены, украшенной большими портретами сановных покровителей и председателей общества, находился морской офицер, совершивший смелое плавание в вельботе¹ через Ледовитое море с Новосибирских островов на остров Беннетта, на который высадился барон Толль, оттуда не вернувшийся. Мужественное лицо докладчика, обветренное полярными непогодами, оставалось в полутени зеленого абажура лампы, освещавшей рукопись его доклада на кафедре и его флотский мундир с золотыми пуговицами и орденами.

За длинным столом перед кафедрой, покрытым зеленым сукном, заседали члены Совета общества – все видные ученые и известные путешественники, проживавшие в северной столице. В середине сидел председатель. Закрыв глаза, он,

---

¹ Вельбот – легкое гребное судно с одинаковыми остроконечными носом и кормой; его парусное вооружение состоит из разрезного фока; фок – нижний прямой парус на передней мачте корабля.

казалось, дремал под журчание голоса докладчика. Небольшой зал был переполнен.

Докладчик уже описал ход спасательной экспедиции, трудный путь с тяжелым вельботом, поставленным на нарты, через торосы полярных льдов от материка на Новосибирские острова, летовку на берегу Котельного острова в ожидании вскрытия моря, борьбу со льдами при плавании вдоль берегов и отважный переезд через море к острову Беннетта. Он охарактеризовал этот угрюмый остров, скованный льдами целый год, и описал находку избушки Толля, оставленных им вещей и документа с описанием острова, заканчивавшегося словами: «Отправляемся сегодня на юг; провизии имеем на пятнадцать-двадцать дней. Все здоровы».

– Итак, – провозгласил докладчик, повысив голос, – двадцать шестого октября тысяча девятьсот второго года барон Толль, астроном Зееберг и промышленники якут Василий Горохов и тунгус Николай Дьяконов покинули остров Беннетта и пустились по льду на юг к Новосибирским островам. Но на последние они не прибыли, – наши поиски не обнаружили никаких следов. Куда же девались смелые путешественники? Нет никакого сомнения, что они погибли в пути. В конце октября в этих широтах дня уже нет, только два-три часа около полудня тянутся сумерки. Морозы доходят до сорока градусов; часты свирепые пурги. Но море еще не замерзло и богато полыньями. Путешественники, очевидно, попали во время пурги на полынью, едва затянувшуюся

льдом, и провалились. Или погибли, выбившись из сил, от голода и холода в борьбе с торосами, потому что собак у них не было и они сами тащили нарты, нагруженные байдарками и всем имуществом. Или, наконец, пытаясь переплыть на утлых байдарках в полярную ночь через незамерзшее море, они потонули во время бури. Так или иначе, но они нашли вечный покой на дне Ледовитого моря, а Земля Санникова, которую Толль искал так долго и тщетно, не существует.

Докладчик сошел с кафедры. Слушатели были охвачены жутким впечатлением от заключительных слов доклада. Вдруг из задних рядов раздался громкий возглас:

– А все-таки она существует!

В зале произошло волнение. Послышались вопросы:

– Кто это? Что это за чудак?..

Председатель обвел публику строгим взглядом, встряхнул колокольчик и, когда зал затих, сказал:

– Предлагаю общему собранию членов общества и гостям почтить вставанием память погибших отважных путешественников: барона Толля, астронома Зееберга, промышленников Горохова и Дьяконова, положивших свою жизнь на поприще науки.

Все поднялись с мест.

– Объявляю перерыв на четверть часа.

Сидевшие вблизи дверей быстро устремились к выходу. Члены Совета обступили докладчика, а один из них, тучный академик Шенк, известный исследователь, организатор и со-

ветчик экспедиции барона Толля, стал протискиваться к задним рядам. Среди шума сдвигаемых стульев и говора толпы раздался его громкий голос:

– Я прошу лицо, которое так уверено в существовании Земли Санникова, поговорить со мной.

В ответ на это приглашение из среды толпившихся слушателей выделился молодой человек в черной блузе, со смуглым лицом, изборозженным мелкими морщинами, которые летний зной, зимние стужи, резкие ветры накладывают на кожу. Пробравшись к Шенку, он заявил:

– Это я сказал и повторю еще раз, если нужно!

– Пройдемте в библиотеку! Здесь в толкотне невозможно беседовать! – произнес Шенк, окидывая смельчака пронизательным взглядом из-под густых нависших бровей.

Подхватив молодого человека под руку, Шенк увлек его через боковую дверь в задние комнаты библиотеки, в канцелярию общества.

В канцелярии было тихо и пусто. Академик сел за стол секретаря, пригласив жестом своего собеседника воспользоваться вторым стулом. Закурив папироску, он сказал:

– Я вас слушаю. Что знаете вы о Земле Санникова?

– Позвольте сначала объяснить, кто я, – ответил молодой человек. – Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем, в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем, лучше сказать – беломедвежьем, углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками –

грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год весной, когда дни становятся длинными, но лед еще крепок, они совершают отважные поездки на Новосибирские острова за мамонтовыми бивнями, которых там много... Среди этих промышленников некоторые ясно видели Землю Санникова и твердо убеждены в ее существовании.

– Это неубедительно! – заметил Шенк. – Вы слышали в докладе, что горы, которые видели Санников и Толль, – не что иное, как огромные ледяные торосы, и что горы на этой воображаемой земле должны были бы достигать двух тысяч двухсот пятидесяти метров высоты, чтобы их можно было видеть с острова Котельного. Таких высоких гор среди Ледовитого океана не может быть.

– Это предположение, но не факт!

– Кроме того, Толль, до высадки на остров Беннетта, тщетно искал эту землю на своей яхте «Заря», которая проплыла вблизи того места, где предполагалась земля.

– Это может доказать только, что земля находится севернее, а не так близко к Котельному острову, как думали Санников и другие видевшие ее, но не точно оценившие расстояние, – возразил молодой человек.

– Вы правы! – сказал Шенк. – Но дело в том, что, кроме этих свидетельств, согласитесь – крайне шатких, мы не имеем ничего другого, вернее – ничего определенного, если не

считать сведений о пролете птиц куда-то на север.

– Почему вы считаете это недостаточно определенным указанием? – удивился молодой человек. – Уже Врангель сообщил об этом, Майдель подтвердил, а население Севера вполне точно указывает, что летнее обилие птиц на северном берегу Сибири прерывается в двух местах побережья: во-первых, от реки Хромы до реки Омоля; во-вторых, в пятидесяти километрах западнее мыса Якан и до мыса Рыркайпий². В этих местах лов всегда незначителен, но зато виден пролет птиц на север.

– С западного участка птицы летят на Новосибирские острова, а с восточного – на остров Врангеля, – возразил Шенк.

– Так думали прежде, но это неверно. Остров Врангеля очень высок и скалист и почти все лето остается под снегом. Места для гнездования таких птиц, как гуси и утки, на нем слишком мало. Но для нас интересен западный участок.

– Да, с него птицы летят на Новосибирские острова.

– На этих островах, как оказывается, летует очень немного птиц, а большая часть густыми стаями продолжает лететь на север. Это не раз подтверждали мне промышленники в Устьянске, Русском Устье, Ожогине, посещавшие острова; то же знал и Санников. Летят: белый гусь, гага, разные утки, кулики, щеглы и прочие – все питающиеся растениями или мелкими животными, живущими за счет растений. Отсюда

---

² Рыркайпий – чукотское название мыса Северного, теперь переименованного в мыс Шмидта.

следует, что на севере есть еще суша, достаточно обширная и покрытая растительностью.

– Да, эта суша – остров Беннетта, – заметил Шенк. – Из документа, оставленного Толлем, мы узнали, что на этом острове летуют два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек...

– Ни гуси, ни утки не упомянуты! – рассмеялся молодой человек. – А они составляют большую часть перелетных птиц. Это характерно! А обратили ли вы внимание на слова того же документа, что Толль видел орла, летевшего с юга на север, сокола, летевшего с севера на юг, и гусей, пролетавших стаями с севера, то есть возвращавшихся в конце лета с этой неизвестной земли на материк?

– Совершенно верно! – подтвердил академик.

– И Толль прибавляет: вследствие туманов землю, откуда пролетали эти птицы, так же не было видно, как и во время прошлой навигации Землю Санникова.

– Какая у вас хорошая память! – удивился Шенк.

– Я внимательно слушал доклад, и документ Толля укрепил мою уверенность в существовании Земли Санникова и именно севернее, чем предполагали. Это и заставило меня высказаться так категорически. Что же касается Беннетта, то, как вы тоже слышали, этот остров слишком мал и слишком загроможден льдами, чтобы давать приют многочисленным птицам. Толль подтвердил это: снегيري, кулики, чайки, два вида гаг – вот все его летние гости.

– Но земля, расположенная еще севернее, например под восьмидесятым градусом широты, должна быть еще больше покрыта льдами; следовательно, также не может прокармливать много птиц.

– Куда же летят в таком случае эти глупые птицы? – рассмеялся молодой человек.

– Право, не знаю. Может быть, через Северный полюс в Гренландию, хотя это невероятно, – ответил Шенк, пожимая плечами.

– А нельзя ли предположить, что в силу каких-то особых условий Земля Санникова, несмотря на свое северное положение среди льдов полярного океана, пользуется более теплым климатом, чем острова Беннетта и Новосибирские, находящиеся южнее?

– Ну, это уже просто фантазия, прошу извинить! – возразил академик, немного рассердившись. – Для такого предположения, кроме пролета птиц, никаких оснований нет.

– Может быть, там находится вулкан, согревающий почву, – не унимался молодой человек, – или горячие ключи!

– Дым вулкана был бы давно замечен вашими же промышленниками и мореплавателями. Не забудьте, что и Нансен проплыл на «Фраме» во время своего дрейфа во льдах вблизи того места, где предполагалась эта таинственная земля, но ничего не видел.

– А известно ли вам о странном исчезновении целого народа онкилонов, жившего на Севере? Теснимые чукчами,

они ушли куда-то с материка со всеми своими стадами, и больше о них никто не слышал, и где они – неизвестно.

– Да, помнится, о них собирали сведения Врангель, Норденшельд и Майдель. Но я этнографией не занимаюсь...

Звонок, громко прозвучавший в библиотеке, прервал слова академика. Шенк встал:

– Нужно идти слушать следующий доклад. Но ваши сообщения все-таки заинтересовали меня – нам нужно еще поговорить. Приходите ко мне на дом через неделю, вечером. Вот мой адрес.

Шенк достал из бумажника визитную карточку и, передавая ее своему собеседнику, прибавил:

– Я справлюсь в литературе об этих онкилонах. И позондирую в академии почву насчет новой экспедиции для поисков Толля, хотя сильно сомневаюсь в успехе. Во всяком случае, приходите.

Исчезнувший народ

Шенк был старый холостяк, много путешествовавший в молодости; он производил исследования и в низовьях Енисея, разыскивая остатки мамонта на тундре, и в Забайкальской области, и на Амуре, и даже на Сахалине, вскоре после присоединения этого далекого края к России, изучая его геологию и флору. Вернувшись в столицу, он погрузился в обработку собранных материалов.

Жил он одиноко и крайне скромно, употребляя значительную часть своего академического жалованья на помощь начинающим ученым и на субсидии экспедициям в интересовавшую его Сибирь и в полярные страны. Немало денег его ушло на путешествие Толля, которого он высоко ценил как исследователя, и на поиски его следов.

Вернувшись с торжественного заседания, Шенк принялся за чтение сведений о загадочном племени онкилонов.

Несколько веков назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличаются от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты острова Кадьяк.

Норденшельд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов Северной Сибири в районе мысов Иркай-

пий³, Шелагского и Якан в изобилии находил брошенные жилища онкилонов, представлявшие землянки своеобразного типа, до половины углубленные в почву и с кровлей из китовых ребер, присыпанных землей. При раскопках были найдены различные орудия из камня и кости – топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки и проч., нередко даже еще с костяными и деревянными рукоятками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы вместе с ремнями, которыми наконечники и топоры были прикреплены. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов и были в полном смысле слова людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была кровавая распря на почве родовой мести между их вождем Крэхом и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от преследования последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепились на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров, и наконец на пятнадцати байдарах они уплыли на землю, горы которой видны вдаль в Ледовитом океане с мыса Якан (то есть на остров Врангеля).

«Сведения довольно скудные и противоречивые, – подумал Шенк, закрывая последнюю книгу. – Во всяком случае,

---

³ Иркайпий на карте Норденшельда соответствует мысу Рыркайпий, или Северному, русских карт.

интересно: куда девался этот народец?»

В течение следующих дней Шенк, согласно «обещанию нащупать почву в академии», переговорил с некоторыми из академиков, наиболее заинтересованными в изучении полярных стран, но не встретил с их стороны сочувствия плану новой экспедиции для поисков Земли Санникова и следов барона Толля. Солидного ученого, которому могли бы быть поручены новые исследования полярных стран, не было в виду, а давать деньги какому-то фантазеру было бы неосторожно и выхлопотать таковые неудобно.

В конце концов Шенку пришлось подсчитать собственные финансы. Он решил, что тысячей-другой может рискнуть на это предприятие, но это казалось ему недостаточным.

«Ну что же, – подумал он, – инструменты ему достанем даром в разных ведомствах, а дольше года эта экспедиция продолжаться не должна. За это время он или найдет эту землю, и тогда дело можно повернуть совершенно иначе и средства будут, или убедится, что такой земли нет, и мы успокоимся».

Дело налаживается

В условленный день и час молодой человек явился. Шенк ждал его.

– Я перечитал все, что известно об онкилонах, – сказал он, – и нахожу, что сведения противоречивы. Несомненно, что этот народ существовал и воевал с чукчами, оставил после себя жилища, каменное и костяное оружие. Но куда он исчез – неизвестно. Остается думать, что онкилоны или погибли на одном из островов вследствие слишком суровых условий жизни и недостатка промысловых животных, или остались на материке и вымерли давно от какой-нибудь эпидемии.

– Если бы они погибли на островах, там были бы найдены в изобилии их кости, – возразил собеседник. – Люди бесследно не исчезают. Если бы они вымерли на материке, об этом сохранились бы предания у их новых соседей – якутов, тунгусов, ламутов. Таких преданий нет совершенно.

– Так где же они, наконец? – воскликнул Шенк. – Не на небо же они взяты живыми!

– Они, очевидно, на Земле Санникова – там же, куда летят перелетные птицы, которые, вероятно, служили им проводниками.

– Да если бы люди могли летать, я бы этому охотно поверил. Но онкилоны летать не умели и должны были пробраться

ся на эту землю или по воде, или по льду.

– По воде они не плыли, потому что взяли с собой свои стада, а это слишком тяжелый и беспокойный груз для байдар.

– А по льду они пройти не могли. По всем имеющимся сведениям, Ледовитый океан замерзает не на всем протяжении; на некотором расстоянии от берега всегда остается более или менее широкая полоса открытой воды. Поэтому ни один чукча – а они достаточно смелый народ – не побывал на острове Врангеля и ни один промышленник – они тоже не трусы! – не достигал острова Беннетта. И гибель барона Толля доказывает, что по льду пройти нельзя!

– Все это совершенно справедливо вообще, – спокойно возразил молодой человек горячившемуся академику. – Но вспомните, что климат не всегда одинаков, холодные периоды чередуются с теплыми в зависимости от солнечных пятен...

– Ну конечно, я это знаю! – заметил Шенк.

– Мы знаем, что онкилоны перебрались на Новосибирские острова – там тоже найдены их землянки и другие следы пребывания.

– Ну хорошо!

– Они нашли, что место это плохое для жизни, мало зверя, птицы и год от году будет меньше в результате охоты. Перспектива голода должна была гнать их дальше, а птицы, пролетавшие большими стаями на север, показывали им, что

там должна быть земля, гораздо более богатая дичью. Предположим, что как раз в это время был холодный период, выпало несколько особенно суровых зим и море замерзло. Ранней весной, когда дни уже длиннее, онкилоны благополучно перебрались на Землю Санникова.

– И вымерли там от холода и голода, потому что невозможно допустить, чтобы под восьмидесятым градусом широты была земля, удобная для жизни человека. Гуси, утки, может быть, находят себе пищу на оттаивающей тундре, а человек...

– Человек добывает этих птиц, моржей, тюленей, белых медведей, рыбу и живет в Гренландии и на островах к северу от Америки, на Шпицбергене и Новой Земле, – живет, даже любит эти полярные страны и скучает по ним, если попадет на юг.

– Я вижу, вы вполне убеждены в существовании Земли Санникова и на ней онкилонов.

– В первом я убежден, второе считаю единственно возможным объяснением их исчезновения.

– К сожалению, академия не разделяет этого мнения. Я наводил справки. Мои коллеги убеждены, что этой земли нет и что Толль погиб.

– Очень печально, если это так, потому что единственное место, куда мог спастись Толль, – это Земля Санникова. Я не утверждаю, что он там, но это возможно, и только там остается искать его следы.

– Едва ли найдутся теперь охотники искать эту землю и его следы после всего, что сделано, даже если бы нашлись деньги.

– Я бы поехал охотно и нашел бы среди ссыльных Якутской области и среди промышленников северного берега надежных спутников.

– Как бы вы организовали экспедицию, если бы нашлись деньги?

– У меня в виду два ссыльных, живущих тоже в Казачьем. Мы с ними часто обсуждали проект такой экспедиции, конечно платонически, потому что денег у нас нет, кроме скудного пособия, которое царское правительство очень неаккуратно выдает своим пленникам. Мы живем совсем как туземцы – охотой, рыбной ловлей. Оба товарища – люди молодые и не опустившиеся в ссылке; работа поддерживает нас, и мы закалились. Кроме того, я бы взял двух промышленников, не раз бывавших на Новосибирских островах, имеющих собак и снаряжение, опытных в путешествии по льду.

– Правильно, без них вам не обойтись. А дальше?

– Ранней весной мы бы перебрались по льду на остров Котельный, устроили бы себе там базу и склад и попытались бы немедленно, пока лед крепок, идти дальше на север.

– А если море окажется не замерзшим, в чем едва ли можно сомневаться?

– На этот случай у нас будут две легкие байдары, поставленные на нарты. На них попробуем переплыть открытое

пространство. Оно не может быть широко – близ земли всегда есть лед. Дальше пойдем опять на нартах до этой земли, исследуем ее, а в конце лета обратно тем же путем.

– Но тогда открытое море будет очень широко, и на ваших байдарках с тяжелым грузом вы погибнете, без всякого сомнения. В конце лета уже часты пурги.

– Если нельзя будет переплыть, останемся на зимовку на Земле Санникова и пойдем обратно ранней весной.

– А вы знаете, сколько корма нужно собакам на целый год? Этот груз задавит вас...

– Ну конечно. Но я не рассчитываю везти его с собой, а надеюсь на обилие дичи на земле. За лето мы наготовим запасы для зимовки и перехода обратно к базе.

– Но предположим, что вы никакой земли не найдете?

– В таком случае мы немедленно вернемся на Котельный, проведем на нем лето и осенью, как только море станет, переберемся на материк. И на этот случай, по моему убеждению маловероятный, нам нужен склад на Котельном, имея в виду возможность плохой летней охоты.

– Не подсчитали ли вы, во сколько может обойтись такая экспедиция?

– Я думаю – не так много. Мы трое не рассчитываем на заработок, лишь бы прокормиться. Двум промышленникам, конечно, придется платить, но они люди скромные. Главный расход – собаки, их корм, нарты, байдары, ружья и припас к ним, одежда. Я уже приценивался здесь и в Казачьем и ду-

маю, что тысячи две, две с половиной нам хватит.

– Да, сумма небольшая!

– Нарты на севере неважные, дерево не очень прочное, а нам нужно иметь нарты наилучшего качества, чтобы не тратить время на частый ремонт. Я думаю, лучше заказать их здесь и увезти с собой. Точно так же ружья и припас к ним – здесь это лучше и гораздо дешевле. Все прочее – на месте.

– Ваш план мне нравится, – сказал Шенк. – И я думаю, что две с половиной тысячи рублей я вам найду. Но условие: с Земли Санникова привезти коллекцию горных пород и гербарий, если возможно – также мелких животных и записи о флоре, фауне и климате. Ну конечно, и об онкилонах, если таковые найдутся. Сможете ли вы с товарищами сделать это?

– Надеюсь, что справимся. Мы все, конечно, не заправские ученые, но подготовку имеем; один из нас немного геолог, другой ботаник, а я интересуюсь больше животными и человеком.

– Прекрасно! Инструменты для научных наблюдений – барометр, термометры, компасы и прочие – я добуду вам из академии. Вы понимаете, что очень важно будет определить широту и долготу нескольких пунктов этой земли, если вы ее найдете, – улыбнулся Шенк, – и сделать хотя бы грубую съемку ее очертаний и пути к ней.

– Разумеется. Съемку я могу взять на себя. Но определение широт и долгот? Этому мы не обучены.

– Ну, это не так трудно. С этим вас познакомят в Главной

физической обсерватории. Я дам вам записку к директору. На подготовку понадобится две-три недели. Есть у вас время? Когда вы думаете выехать отсюда?

– Сейчас у нас конец ноября. Необходимо выехать через месяц, чтобы быть в Казачьем в конце февраля, а в половине марта двинуться на острова.

– Обыкновенно туда ездят в апреле.

– Совершенно верно, но нам нужно попасть раньше, чтобы в начале апреля уже идти через море к Земле Санникова, пока лед еще прочен.

– А в один месяц вы успеете заготовить и закупить все, что нужно?

– Да, я справлялся в мастерских. Нарты будут сделаны в две недели, закупить прочее я успею в это же время и вместе с тем могу посещать обсерваторию.

– Итак, дело устраивается здесь, но в Казачьем у вас будет еще много хлопот.

– Если дело решено, я сейчас же телеграфирую в Оленинск, почтой в Казачье, чтобы товарищи начали готовиться – закупают собак, одежду, собачий корм.

– Но ведь денег у них на это нет?

– Им поверят в долг до моего приезда: нас в Казачьем знают.

– А сколько нужно вам сейчас на задатки при заказах и покупке?

– Рублей пятьсот пока хватит.

– Я дам вам эту сумму из своих денег, а через две-три недели добуду и остальные и инструменты.

Шенк написал чек на банк и рекомендацию директору обсерватории и, передавая их молодому человеку, сказал:

– Зайдите ко мне через две недели, в это же время, рассказать, как подвигается подготовка.

– Позвольте выразить вам мое восхищение таким быстрым решением вопроса! – воскликнул молодой человек, глубоко взволнованный. – Идя к вам, я сильно сомневался в осуществимости моей мечты. А тут вышло все так просто. Вы даете большую сумму совершенно неизвестному вам человеку, веря ему на слово.

– Я еще не разуверился в людях, несмотря на свои седые волосы, – добродушно ответил Шенк. – Я уже помогал не раз в научных предприятиях, и мое доверие очень редко бывало обмануто. Кроме того, я умею оценивать людей почти с первого взгляда. Но вы действительно напомнили мне, что я еще не знаю ни вашего имени, ни ваших товарищей, а для открытого листа, который вам необходим для администрации края и который я вам достану, это нужно знать. Итак, вас зовут? Я записываю.

– Матвей Иванович Горюнов, бывший студент Петербургского университета, административно высланный в Якутскую область. Товарищи мои – Семен Петрович Ордин и Павел Николаевич Костяков, тоже бывшие студенты, первый – университета, второй – технолог. Мы все были высланы на

пять лет за студенческие беспорядки в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

– Чем же вы провинились, что вас выслали так далеко, точно опасных преступников?

– Мы были председателями сходов и потому причислены к коноводам. Нас хотели сдать в солдаты – помните, было такое распоряжение, – но мы отказались подчиниться. За это нас и отправили к белым медведям.

– А скоро ли кончается срок ссылки?

– Мой кончился, почему мне и разрешили выехать на родину в Вологодскую губернию под надзор полиции; в столицу я приехал, конечно, без разрешения. Товарищи освободятся через год.

– Я вижу, что для вас придется еще выхлопотать разрешение губернатора на выезд в Якутскую область.

– Ну, в этом, конечно, не откажут.

В путь-дорогу

Через месяц Горюнов, снабженный деньгами и документами, выехал на восток, увозя инструменты и прочее снаряжение, в том числе три великолепные нарты и одну большую байдару, разбиравшуюся на части, которые в полчаса нетрудно было соединить друг с другом совершенно герметически. В ней могли поместиться четыре человека, три нарты с грузом и десять собак, что позволяло членам экспедиции совершить переезд через море в два приема.

От Иркутска начался уже санный путь на лошадях через Качуг вниз по Лене – длинный и скучный путь по занесенному снегом бесконечному коридору замерзшей реки между ее высокими, часто скалистыми берегами, вплоть до Якутска, жалкой столицы сурового края административной ссылки. Дальше путь шел через низовья реки Алдана и по диким ущельям угрюмого Верхоянского хребта, затем по холмам и равнинам обширного бассейна реки Яны до ее устья, где приютилось на краю света занесенное снегом до крыш село Казачье. Уже от Якутска дня почти не было, а за хребтом началась полярная зимняя ночь; только звезды, луна и сполохи – северные сияния – освещали путь, если не было пурги.

В конце февраля Горюнов с грузом прибыл в Казачье, где его товарищи подготовили все для экспедиции – тридцать собак, запас вяленой рыбы (юколы) для них, припасы

для людей, полярную одежду, лыжи. Два опытных промышленника – якут Никита Горохов, брат пропавшего без вести спутника барона Толля, и казак Капитон Абрамович Никифоров согласились участвовать в экспедиции. Оба не раз побывали на Новосибирских островах, в последний раз с экспедицией, искавшей следы Толля и объездившей все берега. В существовании Земли Санникова оба были убеждены и утверждали, что видели ее в ясные дни с высот Котельного острова. Эта таинственная земля манила их не меньше, чем наших трех товарищей, и они были рады, что на их долю выпало счастье первыми посетить ее.

Село Казачье стоит на плоском холме правого берега реки Яны, выше начала ее дельты, под 71° северной широты и у северной границы леса. Несколько изб казаков и купеческих домов, несколько юрт якутов и небольшая церковь разбросаны в беспорядке по холму и почти до крыши занесены снегом. Только дымки, выходящие из труб избушек, да снопы искр, вылетающие из юрт, где топятя чувалы (камины), и облепленная снегом колокольня выдают зимой жилье человека, немаловажное для всего севера Приянского края, несмотря на свои малые размеры. К северу, востоку и западу расстилается бесконечная ровная тундра, зимой – белая равнина, покрытая застругами, то есть плоскими твердыми сугробами, созданными и уплотненными свирепыми пургами, разгуливающими на просторе. На юге чернеет полоса чахлого, редкого леса, а на горизонте в ясные дни видны округлен-

ные высоты хребта Кулар, которые как бы отрезают янское устье от остального мира.

За две недели были закончены все приготовления. И в половине марта, когда день уже продолжался часов одиннадцать, экспедиция тронулась в путь. Путешественников с их тремя нартами до Новосибирских островов сопровождали еще пять нарт с каюрами (вожаками), которые везли запас корма для собак, провизии и всякого снаряжения для людей, назначенного для склада на островах и для прокормления всех по дороге туда.

Путь шел на северо-восток по одному из рукавов янской дельты, мимо брошенного поселения Устьянск, оставленного людьми из-за частых наводнений. Теперь это селение исчезло бесследно. В два дня благодаря ровной дороге дошли до устья. Низменная равнина незаметно переходила в поверхность моря, такую же белую и ровную. Но вблизи и вдали над ней плоскими буграми поднимались острова, а справа — мысы выдвигавшегося далеко на север берега материка. В этом направлении держали путь, пересекая бухты и стараясь хоть через день ночевать у берега, чтобы иметь топливо из плавника — деревьев, принесенных Яной с юга и выброшенных морем.

Так миновали остров Ярок, мыс Манико с одинокой юртой, широкий Селяхский залив, мыс Туруктак, Ванькин мыс, мыс Дарычан. Отсюда до мыса Чуркина шли вдоль берега, затем пересекли Абеляхский залив и остановились в Горо-

ховом стане, на южной стороне длинного мыса Святой Нос, которым кончается материк.

На весь этот путь, около двухсот километров от устья, ушло четыре дня, потому что ехали не торопясь, чтобы не утомить сразу собак. Торосы (то есть глыбы льда, поставленные стоймя или нагроможденные грудами при нажиме ледяных полей друг на друга, представляющие главную трудность при езде по морю) в этом мелком огромном заливе, вдающемся между дельтой реки Лены и выступом Святого Носа, были невелики и недлинные, так что их можно было объезжать. Погода стояла пасмурная, но тихая.

Горохов стан представлял две поварни, то есть избышки, выстроенные из плавника, конечно, без окон и без печей, но с чувалом – большим неуклюжим камином, который греет, только пока топится. В них по временам жили промышленники, добывавшие тюленей или моржей весной или осенью или охотившиеся на диких оленей и белых медведей.

В день приезда на стан небо к вечеру прояснилось, и все три путешественника поспешили подняться на плоские высоты Святого Носа, закрывавшие вид на открытое море и представлявшие в береговых обрывах черные скалы базальта, когда-то излившегося в этой местности огненным потоком из земных недр. Карабкаясь с глыбы на глыбу, добрались до плоской поверхности мыса. Впереди белоснежной равниной расстиралось застывшее море, на котором то тут, то там тянулись неровные валы торосов, сильно занесенные снегом.

За этой равниной на горизонте, прямо на севере, чуть виднелся Большой Ляховский остров – плоский бугор с четырьмя вершинами; кое-где черные пятна на белом фоне выдавали скалы и обрывы. Это ближайший из Новосибирских островов, знаменитый обилием мамонтовых бивней, за которыми и ездят промышленники. До него по прямой линии было километров шестьдесят-семьдесят. Путь наших исследователей лежал мимо него.

Солнце зашло. С ледяной равнины потянул холодный ветерок, и наблюдатели поспешили спуститься засветло к стану, где в поварне уже пылал камин, клокотал подвешенный к огню чайник и котел с ужином. На дорожном ящике, заменявшем стол, были расставлены тарелки; ящики поменьше служили сиденьем. Горохов и Никифоров, сидя возле камина с трубками в зубах, с нетерпением ждали возвращения товарищей, чтобы приступить к ужину. Они успели уже все прибрать, распрячь собак, разложить спальные мешки. Из соседней поварни слышался говор и смех – там расположились каюры пяти нарт, сопровождавших экспедицию до островов.

На следующее утро с восходом солнца караван из восьми нарт, запряженных восемью-десятью собаками, покинул материк и, обогнув скалы оконечности Святого Носа, потянулся через море на север. По ровным участкам, хотя и изборожденным застругами, собаки тянули быстро, так что люди на лыжах едва поспевали за ними. Но там, где путь пре-

граждался грядой торосов, движение очень замедлялось, так как, выбрав более низкое место для прохода нарт, приходилось каждую из них протаскивать отдельно, причем люди помогали собакам, одни подталкивая нарту сзади, другие направляя ее сбоку и поддерживая при помощи лыжных палок. Если среди глыб торосов не было удобного проезда, людям приходилось работать топорами, которые у всех были за поясом. Под ударами топоров лед, охлажденный зимними морозами до 30–40 градусов ниже нуля, разлетался на осколки со звоном, словно стекло. Во время этой работы собаки всех нарт, пользуясь остановкой, словно по команде ложились отдыхать на снег, прекрасно зная, что стук топоров предвещает им четверть часа особенно трудной тяги.

Так подвигались вперед то быстрее, то медленнее – со средней скоростью около семи километров в час – и к полудню прошли половину расстояния до острова. Не распрягая собак, сделали привал для завтрака, состоявшего из холодного мяса, сухарей и горячего чая. Ради приготовления последнего огня, впрочем, не разводили. Горюнов привез из столицы термосы, чтобы при дневных остановках не терять времени на разведение огня и кипячение воды. Эти чудесные сосуды каждый раз при их употреблении возбуждали восхищение каюров, пивших чай, горячий без огня, с особым удовольствием, словно священный напиток. Они ни за что не хотели поверить, что дело обходится без колдовства, когда при морозе в 30 градусов из холодного на ощупь сосуда вы-

ливался чай, обжигавший губы. В день выезда из Казачьего, когда в первый раз сделали обеденный привал и каюры собрались разводить костер, Горюнов подшутил над ними, заявив, что вскипятит чай в снегу скорее, чем они на огне. Когда они повесили свой чайник на огонь, он достал термосы, зарыл их наполовину в снег и через пять минут стал наливать горячий чай изумленным якутам. Горохов и Никифоров, которые были посвящены в секрет, покатывались от смеха при инсценировке этой шутки, слушая восклицания и наблюдая лица каюров.

После завтрака двинулись дальше тем же порядком. Остров уже вырос в большую массу, закрывавшую северный горизонт и полого поднимавшуюся над белой равниной; видны были отдельные темные скалы среди снегового покрова и темные пятна в береговом низком обрыве. При закате солнца, преодолев последний торос, покатили во всю прыть – собаки прекрасно знали, что на земле будет отдых и корм, и при виде поварни, черневшей у подножия обрыва, завывали в восемьдесят голосов и пустились бежать словно бешеные.

Но у берега им пришлось умерить свой пыл, потому что осенние бури в начале морестава наворотили целый вал льдин, через который нарты перетаскивали опять по одной, прежде чем добрались до так называемого Малого Зимовья – избушки, построенной еще известным промышленником Санниковым, спутником и проводником Геденштрома, впервые описавшего острова в начале XIX века. Но сто-

летняя избушка мало пострадала в этом холодном климате. Пропитанные морской солью стволы плавника только почернели и кое-где покрылись лишаями, а внутри были свежи. Немало промышленников находили приют в этой поварне по пути на остров или обратно, и все заботились об исправности ее двери, висевшей на кожаных петлях, и крыши, на которую нужно было время от времени подсыпать землю. Возле избушки была даже приготовлена куча плавника для топлива, что было очень кстати — не нужно было разыскивать его вдоль берега, выкапывая из-под снега.

Скоро запылал костер на площадке возле зимовья, и красные отблески осветили высокую ледяную стену, которая далеко тянулась в обе стороны.

Кладбище мамонтов

Большой Ляховский, или Ближний, остров замечателен по своему геологическому составу. Его четыре плоские, но скалистые вершины, вернее – группы вершин, состоят из гранита, а вся остальная площадь – из мягких четвертичных отложений. Поэтому многочисленные ручьи и речки, стекающие с вершин и врезающиеся глубоко в эти мягкие толщи, расчленили остров на множество холмов и холмиков, почти лишенных растительности. В течение короткого лета поверхность острова представляет глинистую моховую тундру с отдельными сугробами снега в более глубоких оврагах и долинах на склонах, обращенных к северу.

Те же мягкие толщи слагают берега острова, омываемые прибоем волн и потому представляющие длинные или короткие отвесные или даже нависающие обрывы, прерываемые долинами ручьев и речек. Эти толщи сверху донизу скованы вечной мерзлотой, оттаивающей летом на очень небольшую глубину. Оттаявшие массы или сами сползают в море, или обрушиваются, подмытые волнами снизу, и таким образом море постепенно разрушает остров. И если бы не было вечной мерзлоты, сильно задерживающей этот процесс размыва, остров давно был бы уничтожен, за исключением его гранитного ядра.

В мягких толщах в изобилии попадаются бивни мамон-

тов, а местами даже целые трупы этих животных и их современников – длинношерстного носорога, первобытного быка, канадского оленя, лошади и многих других, – трупы, сохранившиеся в неприкосновенности, с шерстью, рогами, внутренностями, благодаря вечной мерзлоте. Но вследствие оттаивания последней летом на некоторую глубину ручьи и речки вымывают из нее трупы, отдельные кости, бивни и выносят их к устью, на берег моря. Точно так же в береговых обрывах при их оттаивании и подмыве то тут, то там обнаруживаются трупы или кости вымерших животных, в конце концов также попадающих в море, которое хоронит их вторично под своими наносами. Только трупы эти зачастую уничтожаются хищными птицами и животными, не брезгающими мясом, пролежавшим десятки тысяч лет в замороженном виде.

Такой своеобразный состав Большого Ляховского острова и привлекает ежегодно весной промышленников с материка; они приезжают собирать на лайдах, то есть плоском побережье моря, в устьях и долинах ручьев и речек бивни мамонтов, освободившиеся за минувший год из мерзлой почвы и торчащие еще в оттаявшей земле или вынесенные на берег. Эти бивни, прекрасно сохранившиеся в мерзлоте, представляют такую же ценность, как и современная так называемая слоновая кость – бивни ныне живущих слонов. Их скупали у промышленников местные и приезжие купцы и увозили на ярмарку в Якутск, откуда они направлялись дальше в Сибирь и в Россию и употреблялись на разные изделия – гребни, за-

понки, разные шкатулки, бильярдные шары и т. п.

Другие кости ископаемых животных бесполезны для промышленников; они представляют интерес только для науки, которая по ним судит о животном мире прошлых времен. Только трупы, вытаивающие время от времени то тут, то там, обращали на себя внимание, но большей частью гибли бесследно, так как промышленники не знали их значения и не умели ни обмерить и описать их, ни сохранить от порчи.

Горюнов и два его товарища уже раз побывали на острове вместе с промышленниками для сбора бивней и заинтересовались странным изобилием их именно здесь. Но объяснить это явление они не могли и в Казачьем, конечно, не нашли литературы по этому вопросу.

Теперь Горюнов не упустил случая познакомиться с литературой в столице, а кое-что привез с собой. Поэтому путешественники решили сделать на острове дневку, чтобы осмотреть береговые обрывы внимательнее, а кстати дать отдых людям и собакам.

На другое утро все трое в сопровождении Горохова отправились вдоль морского берега. Разрушительная летняя работа солнца и моря еще не началась, хотя низкое солнце, лучи которого падали отвесно на обрывы, уже кое-что сделало. Эти обрывы достигали двадцати – двадцати пяти метров вышины; с верхнего края огромными фестонами то выше, то ниже свешивались надувы плотного смерзшегося снега, подобно тем, которые свешиваются нередко с крыш домов по-

сле сильных метелей.

Но только здесь, где зимние пурги так часты и сильны, эти фестоны достигали четырех-шести метров длины и по двадцать-сорок метров ширины при толщине в один-два метра. Под этими надувами начиналась отвесная стена обрыва, состоявшая в верхней части то из сплошного льда, то из песчано-глинистого наноса. Лед по обрыву представлял сплошные массы различной ширины, как бы огромные ледяные стены, уходившие в глубь острова. Промежутки между этими стенами были заняты наносом, состоявшим из тонких чередующихся слоев глины, мелкого песка и льда. У верхнего края обрыва, там, где какой-нибудь фестон обрывался, можно было видеть, что и лед, и наносы перекрыты слоем песка, глины или торфа, оканчивавшимся у поверхности земли слоем черной почвы тундры, покрытой еще толщей снега.

Нижняя часть обрыва была большей частью закрыта откосом из твердого снега, накопившегося под защитой берега за зиму. По этому откосу, достигавшему восьми-десяти метров в высоту, можно было взобраться к самой стене обрыва и убедиться, что и ледяные массы, и толща наносов между ними лежали на сплошном льде, составлявшем таким образом основание острова вышиной над уровнем моря в двенадцать-пятнадцать метров.

Осмотр берега показал путешественникам, что кости животных находились не в ледяных массах, а в толщах наноса между ними. Это подтвердил и Горохов, бывший на острове

много раз и видевший иногда и трупы; последние также находились в наносе.

Пройдя километров десять вдоль берега и убедившись, что его состав повсюду одинаков, путешественники вернулись к обеду в Малое Зимовье, захватив несколько найденных костей, в том числе череп носорога и бивень мамонта. В ледяных частях стены им удалось видеть также начало разрушительной работы солнца в виде ниш, выеденных по льду его лучами, украшенных свисавшими сверху ледяными сосульками, подобными сталактитам известковых пещер.

За обедом Горюнов рассказал товарищам, как объяснял Толль образование этого странного острова и причину его богатства трупами исчезнувших животных. По мнению этого ученого, льды острова, сохранившиеся ко времени великого оледенения, представляют остатки большого ледника. Поверхность ледника, сокращавшегося по окончании этого периода, была изрыта процессом таяния, работой ручейков талой воды, стекавших с более высоких частей острова; в этих ложбинах и рывтинах вода отлагала песок и ил. Остатки растений, найденные в этих наносах, показывают, что в то время здесь растительность была гораздо пышнее, чем сейчас, когда она состоит из лишая, мхов и цветковых растений карликового роста; прежде же здесь росли целые рощи ольхи, достигавшей четырех-шести метров вышины, затем ивы и многочисленные злаки, несмотря на соседство ледяных масс. Очевидно, климат послеледникового времени

был мягче современного, так как теперь подобные растения встречаются на материке только на несколько градусов широты южнее. Остатки пищи, найденные в желудках и в зубах трупов мамонта, показывают, что последний питался этими растениями, а положение трупов в толщах наноса между ледяными массами доказывает, что он тут же и жил, и погибал.

Почему же Большой Ляховский остров стал излюбленным приютом различных млекопитающих послеледникового времени?

Это можно объяснить тем, что в начале четвертичного периода суша Сибири простиралась значительно дальше на север, чем в настоящее время, и Новосибирские острова входили в состав этой суши. В конце последнего ледникового периода, когда в Сибири еще сохранились мамонты, длинношерстные носороги, первобытные быки и уже существовал первобытный человек, эта северная окраина Сибири начала разбиваться большими разломами и отдельные участки ее опускались и затоплялись морем. Более высокие участки постепенно освобождались ото льда и покрывались растительностью. Климат был тогда теплее современного, судя по остаткам флоры, найденным в отложениях вместе с костями. Животные, конечно, спасались от наступавшей воды на возвышенных участках суши. Одним из таких участков был нынешний остров Большой Ляховский, как и другие острова Новосибирского архипелага, и на нем собралось особенно много животных, бежавших инстинктивно на юг, именно

потому, что он – самый южный из этих островов. Но он был уже отделен широким проливом от материка, то есть превратился в остров, и сухопутные животные, попавшие на него, уже не могли идти дальше. Этих животных скопилось на нем так много, что остров не мог прокормить их всех и сделался их кладбищем.

О том, сколько на нем жило мамонтов, можно судить по количеству мамонтовой кости, то есть бивней, которые промышленники доставляли в прежнее время на Якутскую ярмарку. По статистике видно, что ежегодно привозили от тысячи до тысячи четырехсот пудов, в среднем тысячу двести пудов. Пара бивней крупного мамонта весит восемьдесят килограммов, то есть пять пудов. Следовательно, на ярмарку ежегодно привозили бивни от двухсот сорока мамонтов. Большую часть их добывали на Большом Ляховском острове, где прибой моря подмывал ледяную стену, описанную выше, и освобождал из льда и включенных в него залежей наносов бивни, которые и попадались в большом количестве на побережье. Здесь их и собирали промышленники, потому что это было гораздо легче, чем выкапывать их из мерзлого наноса в ледяной стене.

Таким образом, некогда, в конце последнего ледникового периода, когда эта часть прежней суши уже превратилась в остров, отделенный от материка широким проливом, по нему бродили многие сотни мамонтов, мало-помалу погибавших на нем от голода. Одни попадали в грязевые пото-

ки, образовывавшиеся при таянии льда летом; другие увязали в болотистой почве впадин, привлекавших их своей травой; третьи проваливались в трещины ледника, на поверхности которого спасались от докучливых комаров, слепней и оводов, и трупы их заносились потом песком и илом. Только такие трупы могли сохраниться в вечной мерзлоте, которая развивалась по окончании оледенения, тогда как трупы, лежавшие свободно на земной поверхности, уничтожались хищными зверями и птицами, и от них оставались только кости, также разрушавшиеся со временем, и более прочные бивни. Вот почему этот остров сделался главным хранилищем мамонтовой кости, привлекавшим промышленников всего северного побережья.

– Нужно заметить, – прибавил Горюнов по окончании своего объяснения, – что не все ученые разделяют взгляды Толля на происхождение ископаемого льда Ляховского острова. Например, Бунге, изучавший его одновременно с Толлем, полагает, что этот лед не остатки прежнего ледника, а позднейшее образование, и что подобный лед создается и в настоящее время по всей Северной Сибири замерзанием воды, попадающей весной в глубокие трещины в мерзлой почве, образовавшиеся осенью от морозов и зимой заполненные снегом. Следовательно, этот ископаемый лед гораздо моложе того времени, когда жили мамонты.

– Как же тогда животные могли попадать в лед, если он гораздо моложе? – спросил Костяков.

– В том-то и дело, что трупы их лежат не во льду, а в почве тундры между ледяными массами. Это заметил и подчеркивает Толль.

– Следовательно, они разгуливали и гибли, увязнув в болотистой тундре? Разве эта тундра во время их жизни была так болотиста? Мы слышали, что на ней росли порядочные деревья и хорошая трава, – заметил Ордин.

– По мнению Бунге, выходит как будто так, – ответил Горюнов. – Но я больше склоняюсь к гипотезе Толля, и вот почему. Мы сегодня видели в обрывах, что не лед образует отдельные стены среди почвы тундры, а наоборот – эта почва заполняет впадины и расселины среди льдов.

– А имеются ли доказательства оледенения севера Сибири помимо Ляховского острова? – спросил Ордин.

– В том-то и дело, что имеются. Толль нашел старые морены, то есть глину и песок с валунами, оставленные ледниками при их отступлении, и на Таймырском полуострове, и на реке Анабаре, и на Котельном, и на острове Новая Сибирь. Миддендорф видел так называемые эрратические валуны, то есть валуны, принесенные льдом издалека и оставшиеся после его таяния по всей Таймырской тундре⁴.

– Я читал как-то, что есть и другие способы образования ископаемого льда, – заметил Ордин. – Небольшие озерки на тундре нередко вымерзают до дна, и, если лед весной будет

---

⁴ По новым данным, весь север Сибири до 60–62° северной широты подвергался очень сильному оледенению.

занесен слоем ила, который предохранит его от таяния, он превращается в ископаемый. Большие снеговые сугробы где-нибудь на склоне холма, под обрывом речного берега или в овраге тоже могут быть случайно занесены песком и илом и постепенно превратятся в лед, который будет существовать до тех пор, пока случайно его защита не будет уничтожена.

– Совершенно верно! – сказал Горюнов. – И я могу прибавить еще один способ – это наледи на берегах сибирских речек, иногда достигающие большой толщины, длины и ширины. Они весной также могут быть занесены илом и песком. В таких ископаемых наледях кое-где также были найдены трупы современников мамонта. Но нужно сознаться, что вопрос об ископаемом льде имеет еще много темных сторон, которые ждут новых исследований. До сих пор никто им специально и всесторонне не занимался.

– Мне кажется, что и вопрос об условиях жизни и гибели мамонта и его современников тоже разъяснен недостаточно и заслуживает дальнейшего изучения, – заметил Ордин. – Ну, например, зачем они ходили по леднику или забирались на речные наледи?

– Это-то вполне понятно: они спасались от комаров, оводов и других жалящих насекомых, очевидно, уже многочисленных в то время. И теперь северные олени летом поступают так же, спасаясь на уцелевшие снежные сугробы, наледи, ледяные поля на берегу моря; наевшись на моховых кормовищах, они стоят часами в этих холодных местах, дрем-

люют или жуют свою жвачку. Но, помимо этого, в мамонтовом вопросе, конечно, достаточно неразъясненного. Вымирание этих животных объясняют ухудшением климата. Но последнее произошло не сразу, а тянулось целые века; следовательно, вымиранию должно было предшествовать вырождение, измельчание. Эта сторона совсем не освещена, нужно собрать огромные коллекции костей, чтобы проследить этот процесс.

– Не заняться ли нам этими вопросами? – сказал Костяков.

– Вернемся через год в Россию, кончим университет и...

Между островами Новой Сибири

На следующее утро чуть свет караван опять двинулся в путь. Километров пять шли на запад вдоль южного берега острова и имели возможность наблюдать такие же ледяные обрывы, как накануне. Затем начался перевал через длинный западный полуостров, вытянувшийся в море и оканчивающийся скалистой горой Кигилях – одной из четырех вершин острова. Ее странное положение среди моря всего лучше объясняется уничтожением части острова, которая окружала ее прежде, за исключением узкого и длинного перешейка. Через начало этого перешейка и нужно было перевалить, чтобы сократить себе дорогу километров на тридцать.

Горная группа Кигилях получила свое название от облика скал в виде высоких столбов с фантастическими формами, созданными выветриванием гранита. Воображение промышленников видит в этих столбах фигуры окаменевших людей («киги» – человек, «кигилях» – человеческий); промышленники окружают гору суеверным уважением.

Они, например, были крайне недовольны, когда Бунге отбивал молотком образчики горной породы от утесов, и говорили ему, что это кощунство не пройдет ему даром. Они говорили также, что на вершину взобраться нельзя, так как дерзкий путник будет немедленно окутан густым туманом и погибнет, свалившись в какую-нибудь трещину. Туманы

действительно образуются здесь внезапно и очень быстро, так что предсказание суеверных людей легко может оправдаться. Спутники Бунге, которому так и не удалось взобраться на вершину, принесли горе в жертву медные и серебряные монеты.

Перевал через перешеек заставил путешественников изрядно попотеть: сначала пришлось втаскивать нарты по крутому оврагу, врезанному в обрыв берега, а затем после нескольких километров пути по холмистой поверхности так же круто спускаться на другую сторону.

После подъема каюры, обратившись лицом к Кигиляху, кланялись ему, вымаливая себе счастливый путь и удачный промысел. Так как гора, возвышавшаяся со своими мрачными столбами, полузанесенными снегом, подобно огромной развалине, находится километрах в двенадцати от перевала, то каюры не могли пожертвовать ей монеты и ограничились щепоткой табаку, который сдунули с пальцев в ее сторону. Даже Горохов, более развитый и сознательный, чем его темные сородичи, хотя и не принял участия в обряде, но взглянул с укоризной на Никифорова, когда последний сказал с усмешкой:

– Ишь, сколько табаку зря истратили, суеверы!

После спуска направились на северо-восток по льду вдоль северо-западного берега острова, который в плане представляет неправильный треугольник со сторонами длиной около ста километров, вершиной направленный к северу. Путь был

нетрудный, так как торосы шли большей частью параллельно берегу и можно было ехать по ровному льду между ними, изредка только пересекая поперечные гряды. Каюры поторапливали собак, часто поглядывая на небо. Погода, со времени выезда из Казачьего тихая и солнечная, начинала портиться: солнце светило в этот день сквозь какую-то дымку легких облаков, и с северо-запада по временам налетал порывами ветер. Нужно было торопиться, чтобы пурга не захватила в неудобном для ночлега месте. Топлива с собой не взяли, рассчитывая на плавник где-нибудь на берегу. Последний километром на двадцать от перешейка представлял те же ледяные обрывы. В одном месте Горохов указал путешественникам малозаметную промоину в обрыве, по которой когда-то стекала вся вода довольно большого озера Частного, прорвавшаяся в море. Это озеро было любимым местом пребывания диких гусей, летовавших на острове в период их линьки, а потому усердно посещалось в это время промышленниками, которые добывали ленных⁵ гусей сотнями, убивая их дубинками. После исчезновения озера гуси нашли себе другие места, а промышленники лишились охоты, дававшей им и собакам провизию во время промысла.

За речкой Большое Зимовье берег острова сделался плоским, поднимаясь постепенно вглубь, где вдали виднелась центральная гора Хаптагай. От устья этой речки следовало

---

⁵ Гуси во время линьки теряют маховые перья и не могут летать; их называют ленными.

бы постепенно отдаляться от берега, направляясь прямо к южному концу следующего к северу острова Малого Ляховского, уже чуть видневшегося вдали. Но каюры, взглянув на западный горизонт, предпочли ехать вдоль самого берега и еще пуще подгоняли собак.

— Им хочется до непогоды добраться до Ванькина мыса, — пояснил Горохов, обменявшийся несколькими словами с каюрами. — За мысом лучше укрыться от пурги, да и плавника там много.

После полудня, когда миновали устье речки Блудной, западный ветер налетал уже чаще, поднимая с торосов мелкую снежную пыль, которая неслась по воздуху прозрачными облаками и струилась змейками по поверхности снега. Низкое солнце уже было чуть видно сквозь пелену этой пыли.

Становилось холоднее. На ровных местах собаки бежали почти вскачь, и люди на лыжах едва поспевали за ними, отдыхая от бега только на торосах, где зато приходилось работать руками, помогая перетаскивать нарты.

Но вот впереди в те промежутки, когда ветер затихал и даль немного прояснялась, стал показываться темный профиль Ванькина мыса. Миновали устье речки Тирской и стали огибать мыс, далеко выдавшийся в море. И было время: небо на западе стало уже зловеще свинцовым, и при отдельных порывах ветра с трудом можно было держаться на ногах; снег слепил глаза, колот лицо тонкими иголками; собаки бежали, опустив головы и повернув их вправо.

С трудом обогнули мыс и сразу вздохнули свободнее: здесь, под его защитой, ветер чувствовался слабо. На высоте нескольких метров над головой небо было молочно-белое от несшихся тучами снежинок, а вниз падали немногие, вырванные случайно из этого потока.

Хотя было еще рано, о дальнейшем пути нечего было и думать — за мысом сразу начиналась белая стена пурги, в глубь которой пришлось бы ринуться. Глубокая бухта, которая тянулась к востоку от мыса, также исчезала в белой мгле, так как мыс давал защиту только ближайшей к нему полосе. Никакого жилья здесь не было, и приходилось расставлять палатки у самого подножия обрыва, выбрав местечко поровнее среди байджарахов, то есть куч сползшей с обрыва за лето земли. Каюры, впрочем, выбрали иное: вооружившись топорами, они стали вырубать себе нишу в высоком снеговом надуве, примыкавшем к обрыву. Горохов посоветовал путешественникам последовать их примеру, потому что ветер мог повернуть к северу и мыс перестал бы быть защитой, а грот в снегу служил бы лучшим убежищем. Пурга могла ведь продолжаться сутки и двое суток.

Вырубить гроты в плотном снегу, который выламывался крупными глыбами, не потребовало много времени; глыбы складывались в стенку у входа, защищая последний на случай изменения направления ветра. Затем среди береговых торосов и сугробов стали откапывать плавник для топлива и только после этого разгрузили нарты и устроились хоть тес-

но, но уютно в обоих жилищах. Собаки давно уже лежали, свернувшись калачиками среди байджарахов, за торосами и нартами и отдыхали в ожидании своего ужина.

Костры развели не внутри снеговых гротов, а снаружи, под защитой стенки из глыб, так как под влиянием лучистой теплоты огня гроты стали бы обтаивать и обдавать людей каплями воды.

Пурга бушевала всю ночь и затихла только к полудню следующего дня.

Как только ветер стал ослабевать и небо немного прояснилось, начали готовиться к отъезду. От Ванькина мыса взяли направление на северо-запад, на оконечность Малого Ляховского острова, которая отстояла километрах в десяти. Этот остров, гораздо меньше Большого, вытянут с севера на юг километров на сорок-пятьдесят и не имеет выдающихся вершин; это очень плоская и низкая, слегка всхолмленная возвышенность. Его обогнули с запада, придерживаясь берега, и остановились на ночлег, не доезжая северной оконечности. Укрытием от непогоды здесь могли служить только ледяные глыбы торосов, но, к счастью, было тихо.

На следующий день предстояла самая трудная часть пути – через широкий промежуток между Малым и Котельным островами, достигающий почти семидесяти километров. Трудность состояла в том, что здесь существует морское течение с востока на запад и осенью море долго не замерзает, а затем, замерзнув, нередко во время бурь вскрывается.

Поэтому происходит частая подвижка ледяных полей и в результате сильная торосистость льда.

Запасшись топливом на очень вероятный случай ночевки в море, двинулись на северо-запад по направлению к мысу Медвежьему, самому южному на Котельном острове. Последний виднелся на горизонте в виде большой плоско-выпуклой массы, напоминавшей опрокинутый чугунный котел, чем и объясняется его название; мало выдающаяся вершина горы Молакатын, высшей точки острова, поднимается над этим котлом.

Первые десятка два километров путь был довольно легкий, торосы нечасты и невелики; но затем в полосе течения и осенних полыней начались торосы, один другого хуже. Иные кучи ледяных глыб и даже отдельные глыбы, поставленные торчком, достигали двадцати метров в высоту. Приходилось работать топорами, выравнивая дорогу, и втаскивать нарты при помощи веревок (кожаных, сплетенных из ремней), помогая собакам, выбивавшимся из сил. Иные торосы требовали по полчаса, а то и по часу времени.

Поэтому к закату солнца сделали только половину пути, правда худшую, и заночевали перед большим торосом, который не хватило сил преодолеть. Под защитой нескольких больших глыб расставили палатки и, наскоро поужинав, крепко заснули после трудного дня.

Около полуночи Горохов проснулся от громкого шелканья палатки над его головой.

– Неужели опять закрутило? – пробормотал он и хотел было повернуться на другой бок, как вдруг палатку так рвануло, что казалось, она вот-вот лопнет по всем швам.

«Неладно, видно», – подумал Горохов и, высвободившись из своего спального мешка, подполз к выходу, с трудом отстегнул полотнище и выглянул. По лицу ударило жестоким холодом и залепило глаза снегом. Палатка трепетала, вздрагивала, словно собираясь вспорхнуть и улететь.

«Ничего не поделаешь! Надо будить всех и укрепляться, – решил промышленник, – не то худо будет».

Он растолкал спящих, и все пятеро выползли на четвереньках на волю и принялись забивать глубже в лед железные колышки, придерживавшие полы палатки. Затем все ползком подтащили груженные нарты, поставили их по одной с трех сторон палатки и, перекинув через последнюю веревку, привязали их к нартам. Все это требовало больших усилий: ветер валил с ног и захватывал дыхание, снег слепил глаза; тьма была полная, и в трех шагах нельзя было разглядеть друг друга. Сквозь вой и свист ветра, вырывавшегося со стонами из щелей между глыбами тороса, слышался стук топоров у палатки каюров, стоявшей шагах в десяти. И там проснулись и укреплялись.

Сделав возможное, залегли опять спать, но долго не могли согреться, прозябнув на ветру, с набившимся в рукава и за воротник снегом. Когда стало светать, Горюнов, проснувшийся первым, убедился, что пурга не унимается. Но палат-

ка почти не трепетала; нагруженные снаружи снегом полы ее выпятились внутрь, словно брюхо огромного животного, и угрожали лопнуть от тяжести. Приходилось опять вылезать и счищать снег. Горюнов не стал будить товарищей, а занялся этой работой при помощи лопаты. Сквозь белесоватую мглу уже просвечивали ближайшие глыбы тороса; ветер как будто ослабевал, но валил густой мягкий снег.

Заглушенный крик и затем стон заставили Горюнова повернуть в сторону палатки каюров. Раньше она чуть-чуть была видна, а теперь исчезла. Почуввав недоброе, он подбежал к ней, спотыкаясь почти на каждом шагу о собак, зарывшихся в снег. Оказалось, что палатка, достаточно старая и непрочная, не выдержала тяжести навалившегося снега, разорвалась вдоль конька и обрушилась со всей своей нагрузкой на спящих. Последние под своими одеялами, придавленные снегом, не могли пошевелиться; они глухо стонали, задыхаясь от недостатка воздуха.

Горюнов вернулся к своей палатке, разбудил товарищей, а сам с лопатой побежал к каюрам и начал их откапывать из снежной могилы. Подошедшие вскоре Горохов и Ордин помогли ему потом стащить полы палатки вместе со снегом в сторону и освободить людей; одного, потерявшего уже сознание, пришлось приводить в чувство.

Пока возились, стало совершенно светло, а пурга, очевидно, кончилась: снег поредел, ветер налетал только порывами, на востоке чуть-чуть показалось солнце. Откопали со-

бак, нарты, сварили чай и пустились в дальнейший путь. Свежий напавший снег несколько затруднял движение, так как выровнял неровности и собаки или нарты часто проваливались в глубокие впадины. Пришлось двоим идти на лыжах впереди, чтобы проминать собакам дорогу.

Впереди горб Котельного острова занимал уже четверть горизонта; теперь на нем различались и гряды плоских высот, и береговые обрывы, в которых среди снегового покрова чернели отдельными пятнами скалы. Правее, за небольшим промежутком, тянулся более низкий Фаддеевский остров, чуть видный на горизонте.

К закату солнца, преодолев несколько гряд трудного торо-са, добрались до мыса Медвежьего и затем быстро проехали еще пять километров до поварни на юго-восточном берегу. Последний не представлял таких ледяных стен, как берега Большого Ляховского острова, а состоял из твердых горных пород, то стоявших стеной надо льдом, то спускавшихся полого к морю и в этом случае скрытых сугробами снега.

Вдоль острова Котельный

Поварня на берегу оказалась полуразрушенной. Промышленники реже посещают этот остров, на котором для них мало поживы, а добираться до него трудно. Поэтому поварни, возобновляемые только при научных исследованиях островов, годами не поддерживаются, крыши начинают протекать и проваливаться, стены рушатся. Тратить время на починку ради одного ночлега не стоило, и, так как погода была хорошая, расположились ночевать на льду.

На рассвете все проснулись от собачьего концерта.

– Не иначе как медведь! – воскликнул Горохов и, полуодетый, выскочил с ружьем из палатки.

Остальные последовали за ним и увидели интересную картину. Шагах в десяти от собак стояли три белых медведя в нерешительной позе, так как все восемьдесят собак метались на своих привязях, вскакивая на задние лапы, непрерывно лая вперемешку с визгом и воем. Концерт был ужасающий, способный разбудить мертвого. Медведи, вероятно, высматривали, которую из собак легче подмять, не подвергаясь нападению ближайших сбоку и сзади. Они уже направились к самой крайней упряжке, где несколько собак перепутали свои привязи и сбились беспомощно в кучу, не переставая лаять. Но тут раздались выстрелы от обеих палаток, и один медведь, пораженный разрывной пулей из ружья Ор-

дина, рухнул на лед, а два других пустились наутек, оставляя за собой кровавые следы. Каюры, Горохов и Горюнов бросились вслед за ними и вскоре догнали одного, видимо раненного сильнее, и прикончили его. Третий скрылся за торосом.

Неожиданная охота дала хороший запас свежего мяса, необходимого людям и собакам, и возможность оставить большой запас юколы на складе, который собирались соорудить у северного конца острова.

Свежевание туш и разделка их заняли не много времени, и вскоре караван двинулся дальше на север. Путешествие вдоль острова продолжалось еще четыре дня, потому что остров достигает ста восьмидесяти километров в длину, а вдоль берега – больше двухсот. Внутри весь остров гористый и представляет каменную тундру.

На последнем переходе вдоль берега, когда после полудня миновали устье реки Решетниковой, погода опять испортилась. Небо быстро покрылось тучами, задул свежий юго-западный ветер, и пошел снег. Но, несмотря на метель, шли вперед, так как мороз был небольшой, а до конечной цели – северного конца Котельного – было уже близко.

Этот конец представляет плоский мыс, вблизи которого экспедиция Толля построила поварню для склада на случай зимовки на острове. В этой же поварне Горюнов хотел устроить и свой склад – базу для той же цели и для обратного пути на материк.

Поварня оказалась в хорошем состоянии, и в ней неожи-

данно нашли даже некоторые припасы, оставленные за ненадобностью при ликвидации поисков, — порядочный запас юколы, несколько ящиков с консервами, большую жестянку с медвежьим салом, несколько ящиков с сухарями и даже мерзлую тушу оленьего мяса. На островах летует довольно много диких оленей, которые ранней весной приходят с материка по льду и уходят поздней осенью, когда море только что замерзает. Они совершают это большое путешествие на север, небезопасное при осеннем возвращении, когда тонкий лед легко может быть взломан ветром, потому что на островах им привольнее, безопаснее от главного врага — человека; кроме того, нет докучливых насекомых, составляющих летний бич животных и людей на материке.

Переход оленей на острова уже начался — на снегу местами виднелись их следы возле Малого Ляховского — и должен был усилиться. Каюры рассчитывали поохотиться на оленей на обратном пути. Поэтому они, разгрузив нарты и пользуясь остатком дня, простились с нашими путешественниками и поехали налегке вдоль восточного берега Котельного, предполагая ночевать в удобном для охоты месте. С ними Горюнов отправил письмо Шенку с изложением хода экспедиции. Это была последняя весть, которую он мог послать, да и она должна была прибыть в столицу только к осени.

Не без тяжелого чувства путешественники распростились с каюрами и смотрели им вслед, пока те не скрылись за поворотом берега. Порвалась последняя нить, соединявшая их

с остальным миром. Теперь они остались одни, предоставленные собственным силам, на пороге неизвестной области, где не могли рассчитывать ни на какую помощь.

Желая рассеять грустные мысли, принялись за сортировку и укладку имущества, оставляемого в складе, чтобы на следующее утро, если позволит погода, спешить на север. Был уже конец марта, день длился более тринадцати часов, и в тихую погоду солнце могло греть и портить дорогу. Рассортировали и переметили ящики и сложили все в глубине поварни, в которой оставалось еще место для ночлега.

Но утихший под вечер ветер с полуночи возобновился со страшной силой, температура упала до 40 градусов, и закрутила пурга. Горохов и Никифоров, вышедшие на рассвете покормить собак, вернулись окоченевшие и заявили, что ехать невозможно. В такую погоду приходится буквально отлеживаться, потому что сидеть в поварне, полутемной и дымной от огня в чувале, мало удовольствия. Встают только для приготовления пищи, а потом опять на боковую.

На второй день невольного сидения из-за пурги Никифоров, растапливая чувал, нашел среди дров, запасенных в поварне, какое-то странное тяжелое плоское полено с мелко-ребристой поверхностью, слегка изогнутое и с одним острым концом. Он повертел его в руках и, усомнившись в его горючести, показал Горохову.

– Это, надо быть, коготь птицы эксекю, – сказал якут, осмотрев полено.

– Коготь? Да он только чуть короче моей руки! – удивился казак. – Эта птица должна быть побольше нашей поварни, если имеет такие огромные когти. Где же эта птица живет?

– Она жила, старики говорят, на Котельном острове. Первые промышленники еще видели ее... Правда ли это, как полагаете, Матвей Иванович?

Горюнов осмотрел находку, рассмеялся и передал ее Ордину со словами:

– Это рог ископаемого длинношерстного носорога, современника мамонта. Я видел такие рога в Якутском музее и в Петербурге, в музее Академии наук.

– Почему же его считают когтем исполинской птицы?

– Потому что он по своей форме и ребристой поверхности действительно похож больше на коготь, и среди юкагиров, ламутов и тунгусов нашего края другого мнения нет. Мало того, сто лет назад некоторые ученые думали так же: Геденштром, первый исследователь Новосибирских островов, в своих «Отрывках о Сибири» упоминает об этих когтях в полном убеждении, что они принадлежат птице. Толль на Котельном острове посетил холм Эксекю близ речки Драгоценной, на котором, по уверению его проводников, эта птица жила. Они сказали ему, что она была так велика, что при полете заслоняла солнце. Когда первые промышленники, попавшие на Котельный, приблизились к холму, птица закричала «Маук, маук» и улетела. На холме они нашли яичную скорлупу и огромные перья. Но птицу с тех пор никто боль-

ше не видел.

– Она имела две головы, говорят, – вставил Горохов.

– Да, да. Всего любопытнее, что двуглавый орел, изображенный на наших медных монетах, по мнению юкагиров, и представляет птицу эксекю. У них много курьезных преданий о птице, как упоминает Врангель. А черепа носорога, находимые иногда рядом с рогами, они считают черепом эксекю.

– О мамонте туземцы Сибири также рассказывают много небылиц, – заметил Ордин.

В этот день путешественники коротали время, расспрашивая Горохова и Никифорова о мамонте и других исчезнувших животных и передавая им то, что сами знали о них из книг.

Через Ледовитое море

Наконец пурга, державшая путешественников трое суток в плену, утихла. С раннего утра весеннее яркое солнце ослепительно засверкало по снегам необозримой равнины Ледовитого моря, расстилавшейся на запад, север и восток от северного мыса Котельного острова. Всем пришлось надеть снеговые очки, чтобы не получить мучительной болезни глаз, которой на Крайнем Севере многие подвергаются весной. Солнце стоит еще низко, бесчисленные снежинки равнин, особенно после выпадения свежего снега, отражают лучи его миллионами крошечных зеркал своих ледяных пластинок, и получается такой яркий блеск, что глаза воспаляются. Человек слепнет на несколько дней и испытывает колющие боли, не дающие покоя. Даже самые темные очки недостаточны, если не дополнены густой сеткой, закрывающей с боков промежутки между лицом и стеклом. Туземцы носят самодельные очки, представляющие просто дощечку с узким прорезом, пропускающим минимум света, но и они не всегда спасают.

Пока Горохов и Никифоров откапывали занесенные сугробами нарты, приводили в порядок упряжь и распределяли груз, все три путешественника поднялись на невысокий холм, возвышающийся позади мыса, чтобы осмотреть местность и выбрать лучшее направление пути через море; ясная

погода позволяла видеть вдаль на большое расстояние.

Снеговая равнина моря, где зимние пурги свирепствовали на полном просторе, в разных местах нарушалась более или менее широкими и длинными полосами торосов в виде очень неровных белых валов с торчащими то тут, то там глыбами льда, на которых снег не мог удержаться и которые просвечивали бледно-зеленым светом; иные сверкали, как зеркало, отражая солнечные лучи. Местами видны были темноватые площади среди белых; но это были не полыньи, а места, где снег был дочиста сметен с гладкого льда. Только вдали, километрах в сорока, полоса низкого белого тумана выдавала открытое море – полынью, которая тянулась по всему горизонту, так что обойти ее было невозможно; при пасмурном небе площади открытой воды узнаются по темному пятну, которое они обычно отражают на светло-серой пелене облаков.

Эта полоска тумана закрывала лежащую за полыньей снеговую равнину, но на самом горизонте на севере виднелось что-то темное, выдававшееся над туманом.

– Вот, кажется, виден остров Беннетта! – воскликнул Ордин, первый обративший внимание на это место горизонта.

Горюнов и Костяков взглянули в указанном направлении, и первый сейчас же взял засечку по компасу.

– Это не остров Беннетта, – сказал он. – Остров находится много восточнее и с Котельного не виден – он слишком далек. Если это не мираж, то мы видим Землю Санникова.

По Толлю, она должна быть в этой стороне.

Двое вытащили бинокли, а третий – старую подзорную трубу, подарок Шенка «для поисков Санниковой Земли». Темные массы то исчезали за туманом полыньи, то появлялись. Тем не менее удалось рассмотреть, что это целая цепь довольно острых темных вершин, на которых белели полосы и целые поля снега, рассекавшие цепь на отдельные части. Эта цепь тянулась на некоторое расстояние, а затем быстро исчезала, понижаясь в обе стороны. До нее по прямой линии было не меньше ста двадцати – ста тридцати километров.

– Несомненно земля!

– Да, и очень высокая и гористая.

– Почему же она не вся в снегах?

– Очевидно, склоны гор слишком круты, чтобы на них повсюду мог удержаться снег.

– Но на таких крутых горах не может быть места ни для гусей и уток, ни для онкилонов.

– Среди гор есть и долины.

– Во всяком случае, это не мираж, а Земля Санникова! – заявил Горюнов. – Она расположена в той части горизонта, где ее видели и Толль, и сам Санников. Мираж не может быть всегда на одном и том же месте. Он образуется над полыньями, а последние меняют место, как мираж меняет свои очертания.

Подзорная труба оказалась лучше хороших биноклей, и Костяков, обладавший ею, заявил, что различает две гряды:

переднюю пониже и почти сплошь белую, а заднюю выше, с черными скалами.

– А между грядками, несомненно, есть долина, и, может быть, очень широкая!

– И в ней онкилоны, живущие вне досягаемости! – заметил Ордин.

– А мы хотим нарушить их мирное существование своим появлением! – прибавил Костяков. – Трудно даже представить себе людей, которые несколько веков уже оторваны от всего мира.

Визг, вой и лай собак, донесшиеся на холм снизу, прервали беседу и напомнили, что пора отправляться в путь. Если нет пурги или жестокого мороза, то собаки с нетерпением ждут отъезда и по-своему выражают радость, когда видят, что все готово. Горюнов еще раз взял по компасу направление на таинственную землю, и все трое спустились к поварне.

– Однако, землю сегодня видно? – встретил их вопросом Горохов.

– Отлично видно, никакого сомнения быть не может! – сказал Горюнов.

– Надо поглядеть! Пока вы пьете чай, я успею сбегать. Я ведь только раз видел, и то плохо.

Взяв у путешественников бинокли, оба промышленника отправились на холм. Собаки, заметив, что одни люди ушли в поварню, а другие на гору, затихли и улеглись в своих

упряжках на снег.

Спустившись с холма, Горохов и Никифоров подтвердили, что Землю Санникова отлично видно и на том самом месте, на котором они наблюдали ее раньше.

Вскоре маленький караван спустился с мыса на море и пошел почти прямо на север. Собаки, отдохнувшие за три дня, везли бойко, несмотря на то что нарты получили добавочный груз в виде дров, запасенных на целую неделю. Хотя переход до земли можно было сделать дня в три, но пурга могла опять разразиться и задержать движение; ночевать же без возможности согреть чай и пищу при жестоком морозе очень тяжело.

Подвигались то быстро по ровным местам, то медленно, преодолевая торосы. К вечеру прошли километров сорок и остановились на ночлег среди широкой полосы торосистого льда, выбрав ровное местечко под защитой больших глыб. Быстро раскинули палатку, зажгли костер, сварили ужин и потом посидели часок у огня, который бросал красные отблески на зеркала льдин. Солнце исчезло на западе; на юге сквозь легкую пелену туч то показывалась, то исчезала прибывшая луна; на севере слабо играли сполохи – северное сияние – в виде желтоватых дуг и столбов, хорошо заметных, только когда луна скрывалась за тучей.

Перед тем как лечь спать, Горюнов вскарабкался на гребень тороса осмотреть горизонт. Показалась луна, и снеговая равнина, валы торосов и глыбы засияли мягким голубо-

ватым светом. С юга тянул холодный ветерок, и там на горизонте чернели тучи, на фоне которых плоским горбом чуть выделялся Котельный остров.

На следующий день погода была хмурая и южный ветер усилился. Горохов и Никифоров ждали пургу и подгоняли собак. Но лед стал очень неровным, широкие пояса торосов встречались чуть не на каждом километре, и вперед подвигались медленнее, чем накануне. На сером небе впереди с утра уже ясно выделилась темная полоса, указывавшая широкую и длинную полыню. К вечеру последняя была уже настолько близко, что можно было расслышать шум волн. С перевала через высокий торос наконец увидели в полукилометре открытое море, покрытое беляками волн и отдельными плавающими льдинами; оно уходило на север, казалось, до горизонта. На завтра предстоит переезд через него, если не помешает пурга.

Поэтому решили подъехать ближе к краю льда для более быстрого спуска байдары и удобной ее загрузки; так как ветер дул с юга, то нельзя было опасаться, что море начнет ломать лед с этой стороны. На ночлег устроились среди льдин последнего тороса, шагах в полтораста от открытой воды, выбрав ровную площадку, на которой с трудом уместились нарты, собаки и палатка; с юга и запада эта площадка была защищена огромными отвесными и наклонными льдинами, и вообще этот торос изобиловал ими, свидетельствуя о том, что при последнем северном ветре здесь был страшный на-

жим ледяных полей друг на друга.

Под защитой льдин и с огоньком у входа в палатке было тепло и уютно. Между тем ветер к ночи усилился и пурга разразилась. При свете костра видно было, как в темном небе на пять-шесть метров над палаткой несутся целые потоки снежинок, сложенные из изгибающихся, переплетающихся, волнующихся струй и струек. Под напором ветра толстые льдины содрогались, а сквозь свист и гул по временам раздавались как будто резкие выстрелы.

– Это что такое? – испуганно воскликнул Костяков, когда такой выстрел послышался впервые.

– Во льду образовалась новая трещина, – ответил Горюнов.

– Лед трещит, – подтвердил Горохов спокойно.

– А наше убежище не может разломать?

– Если ветер повернет кругом и подует с севера, тогда пожалуй, потому что волна будет бить в край нашего ледяного поля и начнет поднимать и ломать его. А пока ветер с юга – опасаться нечего.

– А жутковато здесь, Матвей Иванович, – сказал Никифоров, – что ни говорите! Подумать только: сидим мы спокойно, трубочки потягиваем, калякаем, а под нами всего аршина два льду и бездонная бездна! Там, промеж островов, все-таки спокойнее – море неглубоко, земля близко.

– Не все ли равно, сколько глубины под нами, – двадцать ли, сто ли метров! – засмеялся Ордин. – И там и тут утонем,

если лед провалится.

– Все-таки здесь страшнее, потому что моря и земли не видно.

– А ты залезь под шубу и засни, может, и увидишь! – пошутил Горюнов.

– И то правда, заляжем-ка, проспим до утра, там на свету спокойнее будет.

Но спали все-таки тревожно, потому что, лежа на льду, слышали еще лучше, как то ближе, то дальше образуются трещины. Собаки также, против обыкновения, спали беспокойно, и то одна, то другая начинала ворчать или завывать. Горохов несколько раз вставал и выглядывал из палатки, чтобы убедиться, не меняется ли направление ветра. Когда рассвело и все проснулись, он успокоил остальных словами:

– Ни зги не видно, задувает по-прежнему, можете не вставать.

Провалились до позднего утра, когда голод поднял всех. Развели огонь, поставили чайник. Горохов и Никифоров пошли кормить собак, сбившихся в кучу между двумя нависшими льдинами, где ветер совсем не чувствовался. Пурга начала менять свой характер – то затихнет минут на пять, на десять, так что небо начинает проясняться, то заревет с удвоенной силой. Во время одного затишья Горохов вскарабкался на высокую льдину, огляделся кругом, протяжно свистнул и закричал:

– Однако, паря, мы куда-то поплыли, кругом вода!

Все, перепуганные, полезли к нему на льдину и увидели, что на юге, откуда вчера пришли по льду, чернеет сквозь снежную мглу море; на севере тоже чернела вода, а на запад и восток тянулся торос, но насколько далеко – нельзя было разобрать. Вглядываться долго не пришлось, потому что новый порыв ветра застал все снегом и согнал их вниз. Пришлось вернуться в палатку.

– Я думаю, – сказал Горюнов, – что ледяное поле, на котором мы находимся, было слабо припаяно к остальным. Когда лед потрескался, напор ветра оторвал наше поле и погнал по морю.

– Но куда?

– Очевидно, на север, куда он дует.

– Но если в этой части моря есть течение, то нас может унести далеко на запад или на восток!

– Конечно, может.

– Что же нам делать?

– Ничего сделать нельзя. В такую погоду плыть на нашей байдаре опасно. Остается ждать, пока пурга не кончится.

– А если льдину еще разломает?

– Если ее до сих пор не разломало, то будем надеяться, что не разломает и впредь, по крайней мере, пока не натащит на другое поле или не прибьет к сплошному льду.

– На этот случай не мешало бы приготовить нашу байдару и сложить в нее все вещи.

– Правильно! – заявил Горохов.

Позавтракав, занялись разгрузкой нарт и соединением частей байдары. Потом сложили в нее груз и нарты, оставив только палатку и постели в ней, убрать которые можно было при первых признаках опасности. Время от времени, когда ветер затихал, лазили на льдину, но видели по-прежнему на севере и на юге море, от которого в обе стороны их отделяло расстояние метров по сто.

Так прошел день. Пурга свирепствовала по-прежнему. Поужинав, долго сидели при свете догорающего огня. Настроение было тревожное; по временам казалось, что лед колеблется под ногами. Но выстрелов, показывающих образование новых трещин, с утра уже не было слышно. Очевидно, оторвавшееся поле было достаточно прочно. Ночью дежурили поочередно на всякий случай. Ветер стал ослабевать, и по временам сквозь снежную мглу даже показывалась луна в виде тусклого расплывшегося пятна.

Ордин, которому досталось последнее дежурство, на расвете задремал и проснулся от солнечного луча, осветившего его лицо. С удивлением он увидел взошедшее уже солнце и над собой бледно-голубое небо. Ненастье кончилось, ветер дул сравнительно слабо, часто затихая; свежий снег начал ослепительно сверкать.

Быстро вскарабкался Ордин на льдину и увидел на юге до горизонта синеющее море с зайчиками на мелкой волне; на западе ледяное поле кончалось в полукилометре, на восто-

ке – еще ближе. На севере, совсем близко за полосой воды, виднелся край сплошного льда, медленно приближавшийся. Ордин поспешил разбудить остальных. Все залезли наверх.

– Если бы восходящее солнце не показывало сразу, где у нас север, где юг, я бы подумал, что море к северу от нас, как и раньше! – воскликнул Костяков.

– Да, нам удивительно повезло! – заявил Горюнов.

– Вместо того чтобы плыть в байдаре и хлопотать с нагрузкой и выгрузкой, мы лежали себе спокойно в палатке, а пурга перевезла нас сама через море.

– словно на плашке через речку переправились, – прибавил Горохов.

– И на казенный счет, ничего не заплативши, – рассмеялся Никифоров, – по нашему открытому листу!

– Попугала нас пурга-матушка только немного для остротки, чтобы не баловались! – сказал Костяков.

– А что, причалит она нас к берегу или придется все-таки спускать байдару? – заметил Ордин.

– Будем надеяться, что причалит. Плыть уже немного, а ветерок задувает, и наш торос хорошо парусит.

– Пока что давайте завтракать и в путь готовиться, – предложил Горюнов.

Так как ветер был слабый, льдина, так удачно послужившая паромом для экспедиции, подвигалась вперед медленно. Успели позавтракать, разобрать байдару, уложить нарты и взобрались опять на торос, чтобы выждать момент причала

парома к краю неподвижного льда. Пришлось ждать около часа; наконец почувствовалось сотрясение всего поля, и на глазах у наблюдателей вдоль линии соприкосновения началось крошить лед и вздывать обломки торосов. Но напор был слабый, торос вышел пустяковый, и паром успокоился.

– Причалили! – воскликнул Горохов.

Вооружившись топорами и лопатами для очистки дороги, путешественники подъехали к краю парома и, выбрав более ровное место, в короткое время переправились на неподвижный лед.

Никифоров с комической важностью поклонился покинутой льдине и крикнул:

– Спасибо, парень, за перевоз! Молодцом прокатил, что и говорить!

Предполагая, что ледяной паром не очень уклонился от направления маршрута, Горюнов повел нарты на север, рассчитывая с высоты более крупного тороса увидеть Землю Санникова и ориентироваться по ней. Путь сначала был очень труден, один торос сменялся другим, и к обеду едва сделали десять километров. Эти торосы совершенно закрывали вид вдаль. Наконец около полудня начался более ровный лед, и на горизонте сквозь дымку чуть показались острые вершины таинственной земли, все еще очень далекой.

– Третий день едем, а будто нисколько не виднее стала она! – сказал Горохов таким странным тоном, что Горюнов, стоявший рядом с ним, обратил на это внимание.

– Ты что-то нехорошее надумал, Никита, – сказал он.

– Верно. Сомнительно мне стало. Не к добру нас льдина так чудно через море перевезла. И подумалось мне, что это не земля, а марево. Завлечет нас, все будет маячить вдали и манить. Заедем так далеко, что и вернуться нельзя будет.

– Ну, пустяки ты надумал! – рассмеялся Горюнов. – Вот увидишь, еще день-другой – и рукой подать будет до этой земли.

– А я полагаю, что, если завтра ее не будет видно, так, чтобы не было сомнений, нам лучше повернуть назад, пока не поздно.

Горюнов прекратил разговор и взял направление на землю. Она оказалась уже на северо-востоке – очевидно, паром снесло ветром или течением порядочно на запад. Пришлось изменить направление маршрута. Более ровный лед позволил двигаться быстрее, и к вечеру прокатили еще тридцать километров. Перед закатом горизонт совсем прояснился, и путешественники увидели уже совершенно ясно, без помощи бинокля, цепь остроконечных черных вершин, поднимавшихся над плоским белым горбом. Даже Горохов как будто успокоился.

Еще два дня шли в том же направлении, но из-за пасмурной погоды земли не было видно: тучи низко стлались по небу и, очевидно, скрывали ее. Наконец на третий день, вскоре после обеденного привала, торосы совсем прекратились, и снеговая равнина, покрытая застругами, начала за-

метно подниматься. Собаки сразу замедлили свой бег.

– Уж не земля ли под нами? – воскликнул Ордин.

– Подлинно земля! – подтвердил Никифоров. – В гору поехали, собачки ясно показали.

В это время сквозь рассеявшиеся на минуту тучи впереди, в нескольких верстах, показалась как будто высокая белая стена.

– Пока, кроме снега, ничего нет на этой земле! – проворчал Костяков. – Горы куда-то скрылись.

– Вот нетерпение! За белой стеной и горы увидим. А вот вам и кое-что, кроме снега! – Горюнов указал вправо, где что-то чернело в сотне шагов от каравана.

Все трое устремились к этому месту. Ордин вынул из-за пояса молоток, готовясь вступить в рукопашную схватку со скалой, потому что это была плоская гладкая скала, выдававшаяся бугром над снеговой равниной. Поверхность ее была отполирована снежинками, которые проносили по ней пурги. Но с помощью зубила, вставленного в трещинку, удалось выломать кусок породы. Ордин внимательно осмотрел ее и заявил:

– Это, пожалуй, базальт.

– Что и следовало ожидать, – заметил Горюнов. – Эта вулканическая порода, по-видимому, очень распространена на островах Ледовитого океана и свидетельствует, что здесь когда-то были громадные излияния лавы.

– Эх, и тепло было тогда здесь! Не то что теперь! – при-

бавил Костяков тоном сожаления.

Кусок базальта торжественно поднесли Горохову, оставшемуся с Никифоровым у нарт. Это было лучшее доказательство, что под ногами земля, край таинственной Земли Санникова, на которую, может быть, впервые ступила нога человека.

Медленно поднимаясь вверх по уклону, караван часа через два очутился у подножия белой стены, которая оказалась тоже откосом, но более крутым. Она тянулась, насколько видно было сквозь легкий туман, окутавший местность, далеко в обе стороны, преграждая путь. Приходилось подниматься вверх, но не прямо, а наискось. Снег, уплотненный пургами, был настолько тверд, что даже полозья тяжелых нарт слабо врезывались в него.

На пороге обетованной земли

Медленно, длинными зигзагами поднимался караван по белому склону все выше и выше, и казалось, конца не будет подъему; легкий туман, окутывавший склоны, не позволял видеть его гребень, и снеговой откос скрывался уже в сотне шагов в сероватой мгле.

– Вот так высокая гора! – воскликнул Горохов при одной из остановок на повороте, необходимых для отдыха собакам.

– Мы, вероятно, попали очень неудачно на склон одной из окраинных гор, вместо того чтобы пройти в долину, – предположил Ордин.

– Весьма возможно, что весь южный край земли таков, – заметил Горюнов. – Вспомните, что мы видели впереди скалистой горной цепи высокий снежный вал, протянувшийся далеко; вот на него мы, очевидно, и поднимаемся.

– Странная земля! – сказал Костяков. – Вместо крутых обрывов и скалистых мысов, которые окаймляют острова Новосибирские и Беннетта, здесь такая ровная длинная покать.

– И даже нет ледников, сползающих сверху, а только снег, – прибавил Ордин.

– Да, это странно! Этот склон южный, и снег на нем должен стаивать за лето. Но над ним, как мы видели, поднимается более высокая цепь гор, с которых должны были бы спускаться ледники через этот склон к морю. А мы их пока не

видели.

– Единственное объяснение этого странного факта, что за этим снеговым валом лежит глубокая долина и ледники спускаются в нее, – предположил Ордин, – а затем огромным ледяным потоком где-нибудь выходят к морю, как на Шпицбергене.

– Но где же тогда будут кормовища для птиц, прилетающих будто бы сюда, не говоря уже об онкилонах, в существование которых я, впрочем, не верю? – заявил Костяков.

– Потерпите же немного, товарищи, разгадка не за горами, – рассмеялся Горюнов. – Вперед, бодрее!

На следующей остановке барометр показал уже высоту в восемьсот метров над уровнем моря. Туман как будто стал гуще, и Горохов заявил:

– Как хотите, а нужно повернуть обратно.

– Это почему? – воскликнул Горюнов.

– Не видите, что ли? Лезем, лезем, словно на небо. Не может быть такой высокой горы.

– Ох-хо-хо! – рассмеялись все трое, и даже Никифоров присоединился к ним.

– А туман что значит? Вспомните гору Кигилях, которая пускает туман, чтобы люди не могли влезть на нее.

– Ну, Никита, я вижу, ты от каюров суеверия набрался. Туман на высокой горе – самая обыкновенная вещь, особенно в здешних местах. Не видали мы его, что ли?

– Ваша воля, делайте как знаете, а я вас предостерег. По-

том не говорите, что Горохов вас в беду завел.

Потянулись дальше и еще через полчаса сквозь поредевший туман увидели наконец несколько темных скал среди снега, еще довольно высоко впереди. Все вздохнули свободнее и с новой энергией продолжали путь; снег стал рыхлее, и хотя уклон сделался пологим, но нарты погружались глубоко, и пришлось уминать дорогу для собак. Поэтому подъем замедлился, и последние полкилометра достались тяжело.

Солнце склонилось уже к закату, когда караван очутился наконец почти на гребне этого высокого снегового увала, где барометр показал девятьсот семьдесят метров. Туман белой пеленой стлался внизу, скрывая почти весь склон и подножие, но через него открывался далекий вид на торосистую равнину моря, расстилавшуюся до горизонта.

Оставив нарты у подножия плоской черной скалы, поднимавшейся невысоко над снегом, все пятеро поднялись на самый гребень и остановились в двух шагах от края огромного обрыва, которым оканчивался этот снеговой склон.

– Ну и чудеса! – воскликнул Никифоров, выразив этим всеобщее изумление перед развернувшейся впереди картиной.

Вместо сплошного снега и льда, которые нужно было ожидать на такой высоте, почти в тысячу метров над уровнем моря, под широтой в 79 или 80°, путешественники увидели перед собой картину пробудившейся весенней природы, хотя была только половина апреля, когда и под Якутском, на

15–17° южнее, весна еле намечается первым таянием снега.

Вниз от края обрыва мрачные черные уступы, на которых белел снег, уходили в глубь огромной долины, расстилавшейся на север до горизонта. На дне ее ярко зеленели обширные лужайки, разделенные площадями кустарника или леса, уже чуть подернувшегося зеленью первых листочков. В разных местах среди лужаек сверкали зеркала больших и малых озерков, соединенных серебристыми лентами ручьев, то скрывавшихся в чаще кустов, то появлявшихся на лужайках. Над более далекими озерками клубился белый туман – они словно дымились. На западе, за этой зеленой долиной, поднималась чуть не отвесной стеной высокая горная цепь, гребень которой был разрезан на остроконечные вершины, подобные зубьям исполинской пилы; на них полосами и пятнами лежал снег, тогда как ниже на обрыве его почти не было. Солнце уже спустилось за эту цепь, и вся долина погрузилась в вечернюю тень.

Цепь гор уходила на север за горизонт, скрываясь в тумане, покрывавшем отдаленную часть долины. Туда же, на север, насколько можно было видеть, тянулась и гряда, на гребне которой стояли наблюдатели и которая была ниже противоположной. На юге та и другая как будто соединялись, совершенно замыкая долину с этой стороны.

Безмолвное созерцание первых минут сменилось оживленным обменом впечатлений.

– Диво дивное, Матвей Иванович! – произнес Никифо-

ров.

– Настоящая обетованная земля! – сказал Ордин.

– Совершенно непостижима эта зелень, эта растительность под такой широтой! – заявил Костяков. – Долина открыта на север, в сторону полюса, словно оттуда идет к ней тепло.

– И неудивительно, что сюда летят издалека птицы, пренебрегая нашим суровым побережьем. Вполне возможно, что сюда скрылись и онкилоны. Но как мы спустимся вниз по этим обрывам с нашими нартами? По ним и порожняком не сойдешь, – заметил Горюнов.

– А вот же звери спускаются! – воскликнул Ордин, указывая на несколько темно-бурых животных с огромными рогами, закрученными спиралью по бокам головы, которые появились на уступе под ногами путешественников.

– Эх, каменные бараны! Вот бы подстрелить парочку на ужин! – воскликнул Горохов.

Между тем животные, очевидно почуяв людей, остановились и в недоумении подняли головы вверх.

Бараны, по-видимому, все-таки были знакомы с человеком, так как, постояв минуту, резко повернули назад и скрылись за выступом скалы.

В это время Горюнов изучил при помощи бинокля гребень в обе стороны от места их стоянки; на северо-восток он повышался, на юго-запад как будто понижался и в этом направлении, может быть, представлял возможность спуска.

– Идем вдоль гребня на юго-запад, – заявил он. – Если есть спуск вниз, то скорее всего там.

– Может быть, придется окружить всю впадину, – заметил Ордин, – чтобы...

– ...чтобы убедиться, что спуска в нее для людей нет и что только для птиц она доступна, – подхватил Костяков.

– Ну, что же, придется удовольствоваться на первый раз открытием этой громадной впадины с богатой растительностью среди полярных льдов и немедленно вернуться на материк.

Пользуясь остатком дня, пошли на юго-запад вдоль гребня, который оказался неровным: он то понижался, и здесь снеговое поле южного склона доходило до самого края обрыва, то повышался и представлял скалы или острые грядки. При виде их Ордин вспомнил про свой молоток и освидетельствовал несколько таких выступов.

Все они оказались состоящими из базальта, то плотного, то пузыристого или шлаковатого, представлявшего базальтовую лаву.

– Я начинаю думать, – сказал он, обращаясь к Горюнову, – что ваше предположение, высказанное академику Шенку, что Земля Санникова представляет остаток вулкана, оправдывается. Эта огромная котловина, окруженная кольцом отвесных обрывов, очень похожа на кальдеру⁶ большого древ-

---

⁶ Кальдерой (испанское слово «котел») называют старые кратеры потухших вулканов, сильно расширенные и пониженные процессами размыва и имеющие

него вулкана, а базальты, встреченные нами внизу и здесь, на гребне, подтверждают это.

– Такое происхождение котловины объяснит нам и существование богатой растительности под этой широтой, – прибавил Горюнов. – Но не будем решать преждевременно, посмотрим, что будет дальше.

По мере движения на юго-запад гребень заметно понижался, но в сторону впадины обрывался так же круто. Сумерки сгущались, но почти полная луна уже поднялась и освещала путь. Прошел еще час.

Горюнов взглянул на барометр – он показывал уже только пятьсот метров над уровнем моря.

– Я думаю, нам придется заночевать на гребне. Луна не осветит спуска на ту сторону, а в темноте идти по неизвестной дороге опасно.

– Найдем ровную площадку и станем, – согласился Никифоров.

– Но если ночью поднимется пурга, нас может смести в пропасть, – заметил Костяков.

– Пурги не будет, – заявил Горохов, – небо чистое, ветра нет, солнце село не красное. Вот разве шайтан захочет наказать нас...

– Будем надеяться, что он помилует, – рассмеялся Горюнов.

форму обширного цирка. Среди кальдеры нередко расположен конус действующего вулкана.

Выбрали более ровное и широкое место гребня в промежутке между двумя скалами, поставили палатку, поужинали, но спать не хотелось. Таинственная впадина была слишком близко и возбуждала любопытство. Луна уже освещала более отдаленную часть ее, тогда как ближайшая оставалась в тени; в разных местах серебрились зеркала озер и ленты ручьев среди темного фона лугов и леса.

Усевшись на краю обрыва, все пятеро созерцали лежавшую у ног странную впадину; освещенные луной обрывы противоположного края казались теперь еще выше и круче.

Они поднимались над дном на тысячу пятьсот – тысячу шестьсот метров почти отвесно. И вдруг в ночной тишине из глубины раздалось сначала протяжное мычанье, а затем глухой рев.

– Эге-ге, там зверье есть, коровы мычат! – воскликнул Никифоров.

– А другой кто, который ревет? Уж не сохатый ли? – спросил Горюнов.

– Нет, не сохатый и не бык. Этот зверь словно трубит в большую трубу. И не медведь.

Погадали, какой это может быть зверь, но ни один из известных промышленникам не издавал таких звуков, и все остались в недоумении.

– А это что? – спросил Ордин, указав на засветившуюся вдаль, среди впадины, красную точку, похожую на звезду; она то разгоралась, то почти потухала.

– Это, пожалуй, огонек на дне кратера этого вулкана, который, очевидно, не совсем потух, – засмеялся Костяков.

– А не костер ли это?

– На то похоже. Значит, здесь есть люди; может быть, это пропавшие онкилоны? – сделал предположение Горюнов.

Опять воцарилось молчание. Все следили глазами за этим новым загадочным явлением в странной впадине. И вот издалека чуть слышно донеслись звуки, напоминавшие барабанный бой.

– Не иначе как бубен шамана! – заявил Горохов. – Стало быть, люди есть, и огонь ихний!

– А если есть люди, то должен быть и спуск вниз, – заметил Горюнов. – Люди не могли слететь, как птицы, по воздуху.

– Спуск мог быть, но обрушился.

Прошло еще полчаса в молчании, и всех стало клонить ко сну. Но тут новое явление обратило на себя внимание. Несмотря на поднявшуюся выше и ярко светившую луну, дальняя часть впадины стала неясной и скоро совсем исчезла в пелене тумана. Эта пелена медленно ползла на юг, и вскоре вся впадина превратилась в огромное белесоватое озеро слегка волнующегося тумана. Затем он стал подниматься выше и ключьями переползать через низкое место южной окраины, где находились путешественники.

С севера потянуло сырым, но тепловатым ветерком, и скоро гребень, скалы, палатка очутились в густом тумане, через который едва была видна луна.

– Представление кончилось, занавес опущен, и пора уходить! – заметил Ордин.

– Уйдем от греха в палатку! – предложил Горохов. – И как вы себе хотите, Матвей Иванович, а все это – одно наваждение, марево, и земля эта, и леса, и луга, и звери. Вот увидите, завтра проснемся, ничего, кроме снега, не будет, и нам придется ворочаться поскорее.

– Ну ладно, прорицатель, завтра увидим, – ответил Горюнов.

Легли спать, но спали тревожно, потому что собаки по временам поднимали лай и визг, вероятно, чуя каких-то не очень далеких животных.

Первый день на Земле Санникова

Когда рассвело, туман еще не рассеялся; он был так густ, что в пяти шагах силуэт человека почти исчезал в молочнo-белой мгле. Даже по соседству со стоянкой нужно было ходить очень осторожно, чтобы не свалиться с обрыва, находившегося в нескольких шагах от палатки.

Приходилось ждать возможности идти дальше по гребню в поисках места для спуска. Развели огонь последними дровами, взятыми с Котельного, накормили собак, не торопясь позавтракали.

Судя по часам, солнце поднялось уже больше часа, но туман совершенно скрывал его; он, казалось, переливался через гребень, словно жидкий кисель, переполнивший огромную чашу впадины и стекавший через выщербленный край.

— Это дымит ваш вулкан, — острил Костяков. — Он действует по ночам: сначала загорелись огни, а потом повалил дым.

— Смейтесь, смейтесь, Павел Николаевич, — ответил Ордин. — А все-таки эта впадина — вулкан, и это открытие не менее важно, чем нахождение самой Земли Санникова.

— Но разве могут быть вулканы среди полярных льдов? — спросил Костяков.

— Почему же нет! В южной полярной области есть даже действующие вулканы Эребус и Террор и несколько потух-

ших. А в Ледовитом океане мы находим вулканические породы разного возраста и в Гренландии, и на Шпицбергене, и на Земле Франца-Иосифа, и даже на ближайшем соседе Земли Санникова – острове Беннетта.

– Но это все очень старые.

– Не все. А Исландия с ее грандиозной вулканической деятельностью?

– Ну, этот вулкан заткнет за пояс все остальные по своим размерам, – заметил Горюнов. – Вот что заставляет меня пока сомневаться в правильности вашей гипотезы...

– Он действительно очень велик; я полагаю, он имеет километров двадцать в поперечном и сорок-пятьдесят в продольном направлении.

– А каковы размеры самых крупных кратеров, известных на Земле?

– Насколько помню, кратер Мауна-Лоа на Гавайских островах имеет около четырех километров в диаметре.

– Ну вот видите! Этому впору быть на Луне, а не на Земле, – заметил Костяков.

– На Луне он был бы самым заурядным, потому что там есть кратеры в шестьдесят, восемьдесят, сто и больше километров в диаметре; например, кратер Птолемея имеет сто шестьдесят один километр, Лянгрениус – сто пятьдесят восемь, а в семьдесят-девятью километрами имеет больше десятка. Всего же на Луне насчитывают около тридцати тысяч кратеров.

– Должно быть, красивое зрелище представляла Луна, когда все они действовали!

Пока наши путешественники беседовали о Луне, солнце делало свое дело – и туман быстро начал редеть, поднимаясь вверх и превращаясь в тонкие пленки, которые постепенно таяли в воздухе. Скоро гребень настолько очистился, что можно было тронуться в путь, хотя впадина представляла еще молочно-белое море, поверхность которого медленно колебалась. Пошли дальше, уже на запад, согласно изгибу гребня, который продолжал понижаться. Наконец, незадолго до полудня, дошли до самого низкого места, за которым ясно было видно новое повышение.

– Если здесь нет спуска, то придется искать его далеко на северном конце впадины, – заявил Горюнов.

– Это будет очень печально, – заметил Ордин, – потому что дров у нас нет, а корма для собак хватит дня на три, не больше.

Подошли к краю обрыва, чтобы осмотреть его внимательно. Барометр показывал только сто двадцать метров над уровнем моря, и можно было надеяться, что при помощи веревок удастся спуститься с уступа на уступ.

– Ну вот вам и спуск! – воскликнул Горюнов, указывая вправо.

Все взглянули туда. Там тянулся от гребня в глубь впадины длинный снеговой откос, огромный сугроб, нанесенный пургами, наметавшими снег со стороны моря через са-

мое низкое место гребня и отлагавшими его под защитой обрыва. Он спускался довольно круто в виде двускатной крыши с широким коньком, поднимаясь до самого края обрыва; правее и левее его видны были еще подобные сугробы, но не доходившие уже до повышавшегося гребня, так что только он один давал возможность спуска. Попробовали плотность снега — она оказалась вполне достаточной: нога погружалась только на четыре-пять сантиметров.

Так как уклон доходил до 40° , нарты нельзя было спускать с упряжкой. Отстегнули собак, достали веревки и, привязав их по две к каждой нарте, стали спускаться, удерживая нарту вдвоем. Пока две нарты спускались, Костяков остался наверху с третьей нартой и с собаками. Когда Горохов и Никифоров поднялись обратно, Костяков повел все три потяга собак вниз: пустить их одних было опасно, так как они могли немедленно увлечься погоней за какой-нибудь дичью. Но вести тридцать собак вниз по уклону — нелегкая задача; увидев внизу нарты и людей, собаки помчались так быстро, что Костяков не удержался на ногах, упал ничком и покатился на животе по всему откосу, вздымая тучу снежной пыли, к общему удовольствию зрителей вверху и внизу.

Закончив спуск, осмотрелись кругом. Почва вокруг подножия сугробов была совершенно обнажена. Сюда солнце начинало заглядывать в самые летние дни и со стороны севера, то есть собственно ночью, когда оно стояло низко и грело слабо. Снег, вероятно, долго не таял, и растительность

не могла развиваться. Но шагах в тридцати от конца сугробов среди плит и обломков базальта, рассеянных по поверхности почвы, зеленел мох и карликовые цветы раскрывали свои первые лепестки. Немного дальше видны были стелющиеся кустики, еще обнаженные, а затем в полукилометре – более высокие и густые, чуть подернутые зеленью. За ними уже темнела стена невысокого леса.

За обедом, или, вернее, за закуской с чаем, сваренным на остатке дров, найденных по нартам, обсуждали важный вопрос – как двигаться дальше? Байдара, нарты, собаки уже не были нужны, так как в котловине не было ни снега, ни достаточно больших рек для плавания.

Вести с собой тридцать собак и заботиться об их корме было слишком стеснительно для передвижения. Ввиду обилия дичи собаки доставили бы много хлопот, разбегаясь для ее преследования, а вести их на привязи – значило бы все внимание уделять им и занять трех членов экспедиции этой непроизводительной работой. Запрячь собак в нарты и ехать на них по траве и по лесам – это значило стереть дочи́ста полозья нарт и сделать их негодными для обратного пути через льды, а также измотать собак трудной работой.

Единственным приемлемым решением казалось – оставить все лишнее имущество и собак под надзором одного человека тут же у сугробов; здесь было прохладно, а человек мог уделять все свое время на добычу пропитания себе и собакам посредством охоты. Остальные четверо пешком

и налегке могли предпринять экскурсию по Земле Санникова, возвращаясь время от времени к этой базе для сдачи собранных коллекций. Горохов, знавший чукотский и ламутский языки, был необходим для сношений в случае встречи с онкилонами, поэтому остаться сторожить вещи и собак приходилось Никифорову. Последнего несколько смущала необычная обстановка, но вообще он, как и все промышленники Севера, не боялся провести несколько дней или даже недель в одиночестве; свора собак представляла достаточную защиту от хищных зверей, а вместе с тем доставляла достаточно забот – так что скучать от безделья не приходилось.

Выбрали место между двумя сугробами, поставили палатку и употребили конец дня на сортировку вещей. Идя в глубь котловины пешком, нельзя было обременять себя большим грузом; приходилось брать только самое необходимое – небольшой запас одежды, белья и обуви, ружья и заряды к ним, котелок и чайник, рассчитывая питаться охотой и ночевать под открытым небом.

К вечеру небо покрылось тучами и пошел мокрый снег, иногда сменявшийся дождем; пришлось укрыться в палатке.

– Эта погода показывает нам, что нужно принять какие-нибудь меры, чтобы оставляемые вещи, нарты и байдара за лето не испортились и не погнили, – сказал Горюнов.

– Придется выстроить шалаш из кольев и корья, – заметил Ордин.

– Это будет плохая защита, да и за корьем придется далеко

ходить, – заявил Горохов.

– А эти сугробы на что? В глубине они, наверно, не тают. Выроем в них пещеру и сложим там все вещи – будет и сухо, и холодно, и от хищников безопасно.

– А для собак выроем другую, – прибавил Никифоров, – они жары не любят, да и запирасть их на ночь можно будет, чтобы не разбегались.

– Не только на ночь. Пойдешь на охоту с двумя-тремя, а остальных запрешь. Не всю же свору с собой водить! Этак ничего не добудешь – они всех зверей распугают, – заметил Горохов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.